АКАДЕМИЯ МАГИИ
МАРИНА ЕФИМИНЮК
КВЕСТ
АКАДЕМИЯ

Академия Магии

Марина Ефиминюк

Квест Академия

«Эксмо»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ефиминюк М. В.

Квест Академия / М. В. Ефиминюк — «Эксмо», 2020 — (Академия Магии)

ISBN 978-5-04-107178-3

Мечта сбылась! Я поступила в лучшую академию королевства. Казалось бы, учись и радуйся. Постигай законы высшей магии, изучай тонкости мироустройства, а новые друзья не позволят заскучать. Они у меня такие замечательные… можно и врагов не заводить. Хотя один враг нашелся сам: белобрысый столичный сноб. Бесит страшно! И, главное, ни в коем случае нельзя забывать, каким подчас коротким бывает шаг от ненависти до любви.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107178-3

© Ефиминюк М. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 19
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Марина Владимировна Ефиминюк
Квест Академия

© Ефиминюк М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1
Закон возвращения пакостей

В восточных долинах королевства, где я выросла, в ходу нравоучительная поговорка: не плюй в колодец, пригодится напиться. В моем случае она звучала иначе: не подливай слабительные капли в кувшин с крепленым вином хамоватым столичным аристократам, пригодится… О чем вы подумали? Не напиться! А не нарваться на неприятности, если через пару декад столкнешься с одним из них в академии магии Дартмурт.

В тот вечер парни ввалились в теткину таверну и вели себя как полные кретины. Если бы я знала, что видела главного хама из трио папенькиных сынков не в последний раз, то не стала бы опрокидывать в кувшин весь флакон снадобья. Ограничилась бы десятком капель. И нет, я не мстительная. Это они от души нарывались на настоящее провинциальное гостеприимство. До сих пор передергивает, стоит вспомнить, как блондинистый придурок, сейчас сидящий на соседнем ряду, швырнул на стол пару чеканных монет и под смешки друзей-недоумков небрежно махнул рукой:

– Обслужи нас!

Кто знал, что он окажется адептом первого года на факультете хранителей магии, мы будем стоически сдерживать зевки на одной церемонии приветствия, а потом сидеть в одних аудиториях? В общем, если узнает в лицо, то выйдет неловкость.

В реальность меня вернул звучный басовитый голос магистра, стоящего за преподавательской кафедрой:

– Кто перечислит три основных постулата мироустройства?

Полукруглую аудиторию накрыла испуганная тишина. Народ перестал шевелиться, переговариваться и шуршать блокнотами для конспектов.

– Ну же, господа адепты! Разве на факультет хранителей принимают не лучших выпускников магических школ?

Что есть, то есть! Я пахала как проклятая, чтобы поступить в Дартмурт. Днем училась, вечером убирала столы в таверне, по ночам зубрила, а единственный выходной проводила в школе, оттачивая заклятья. Оплачивать высшее образование тетка Надин, моя опекунша, не собиралась, о чем недвусмысленно объявила, когда подписывала прошение в самую престижную академию в королевстве. Но я поступила на бесплатное место и собиралась начать жить с чистого листа.

– Господа, не стесняйтесь показаться умными! – увещевал магистр аудиторию.

– Параллельных миров бесчисленное множество, – заговорил кудрявый худой парень, сидевший в другом конце аудитории.

– Верно! – указал в него пальцем преподаватель. – Как вас зовут?

– Флемминг Квинстад, магистр, – бодренько представился он.

– Продолжайте, адепт Квинстад…

Он называл постулаты, известные любому школьнику, и на учебной доске сами собой появлялись строки, написанные размашистым, видимо, преподавательским почерком.

Параллельных вселенных бесконечное множество.

Наверняка миров огромное количество, но пока мы знакомы только с одним соседом – диким миром Рейнсвер, населенным демоническими существами. Из чего философы лет двести назад сделали странный вывод, будто наш мир первый в цепочке бесконечности, а остальные являются слепками, в смысле копиями. Самонадеянное утверждение всем льстило. Объяснить, почему у соседа не совпадали континенты с нашими, ни у кого за прошедшие два века не вышло, сколько ни пыжились. Интересно, что случится, если к нам постучатся с еще какой-

нибудь стороны, кроме Рейнсвера. Например, снизу. Уф! Представить страшно, какой поднимется переполох.

Кстати, утверждалось, будто в мире «за гранью» из разумных жили только исследователи и ссыльные преступники (за здравый рассудок тех и других никто не ручался), а остальные – драконы, грифоны, горгульи и прочие твари, которых мне предстояло изучать в течение всего первого года, пусть одомашнивались, но признаков интеллекта не проявляли.

Впрочем, некоторые из находящихся в аудитории – лень показывать пальцем в белобрысого придурка из таверны – тоже не проявляли особенных признаков интеллекта, но почему-то учились в лучшей магической академии королевства. Наверное, родители таким образом пытались их приручить и одомашнить.

Магия и ее сила не зависят от происхождения.

Капризный магический дар всегда стремился затухнуть, как любой талант, который не раскрыли или по какой-то причине – и, поверьте, таких людей имелось немало – не хотели развивать. Но если способности, например, к рисованию с возрастом не исчезали, то заснувший колдовской дар больше не пробуждался. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни по чьему желанию или велению.

Магия обязана служить во благо мира.

Конечно, маги обязаны помогать людям! Кто бы утверждал обратное? Но понимание добра и зла у всех разное. Некоторые причиняли такое «благо», что лучше бы мирно отдохнули в сторонке. Начудивших магов – в смысле совершивших какое-нибудь разрушительно-злодейское «чудо» – объявляли преступниками и приговаривали к ссылке в Рейнсвер.

Но если адепт Кремлинг (так ведь его зовут?) и разделял мое мнение касательно мироустройства, то вслух об этом, конечно, не объявлял. Просто перечислил постулаты, за что немедленно получил похвалу.

– Прекрасно… – развел руками магистр, мол, учитесь, господа первогодки, смелости, и немедленно переспросил: – Как, еще раз, ваше имя?

– Ботаник, – прозвучал сверху издевательский голос придурка из таверны.

По рядам прошелестели сдавленные смешки, мгновенно утихшие под осуждающим преподавательским взглядом. Однако адепт с непроницаемым видом напомнил:

– Флемминг Квинстад.

Ой! В уголке листа я накорябала правильное имя сокурсника с аристократической фамилией. Странный поступок, если честно. Ведь фамилию преподавателя прослушала и не записала.

– Точно-точно. – Магистр тоже что-то черкнул в блокноте. Наверняка внес Квинстада в список умников и любимчиков. Уверена, половина аудитории была готова до самого выпуска ходить с гордым прозвищем Ботаник, я в том числе, лишь бы повезло оказаться в «белом» списке.

– А ваше? – поднял профессор глаза на наш ряд. Чуть не указала пальцем на себя, но обращались к разговорчивому кретину.

– Илай Форстад, господин магистр, – прозвучала знакомая фамилия.

Постойте! Он из тех самых Форстадов, которые уже четверть века верховодят в королевском совете магов? Не зря говорят, что на потомках великих людей боги отдыхают!

Судя по тому, с какой поспешностью магистр сделал в блокноте очередную пометку, в предположении я не ошиблась.

– Итак, господа адепты, – начал он, уставившись на меня (вернее, на потомка древнего магического рода, сидевшего сверху, но выглядело, будто на меня – неловко-то как), – уверен, вы все знакомы с постулатами, однако на вводной лекции мы обязаны разобрать их подробно. Это экзаменационная тема.

В мироустройстве имелась еще одна неприятная деталь. Помимо той, что именно Форстады выделяли стипендии на обучение в Дартмурте, а магистр облизывал нежным взглядом их отпрыска, словно тот уже замолвил за него словечко перед известными родственниками. И вряд ли этим вредоносным знанием кто-нибудь щегольнет перед экзаменационной комиссией. Однако поделюсь, чтобы не держать в себе. Если граница с Рейнсвером или любым другим миром, будь он сверху, снизу, сбоку или по диагонали, когда-нибудь сотрется, то у нас вообще-то случится конец света. Не дайте боги накаркать!

С непривычки я не могла угнаться за лектором, рука ныла. В академии, в отличие от школы, никто не ждал и не переспрашивал, все ли записали материал. Страницы испещряли диагональные строки с сокращенными словами – враг не расшифрует, заклятье не поможет. Ни одной схемы из тех, что покрывали доску, перерисовать не успела. А в песочных часах, стоящих на преподавательской кафедре и отмеряющих время занятия, постепенно иссякал мерцающий песок. Кошмар!

Магистр громко объявил:

– На этом тема постулатов мироустройства закрыта.

До конца лекции оставалось всего несколько минут, и я принялась наспех корябать на листе схему множественности вселенной по Крауту. Рисунки выходили кривыми и бледными – в самописном пере заканчивались чернила… Неожиданно схемы на моих глазах начали растворяться! Меловые линии, нанесенные с помощью колдовства, исчезли, и доска засияла первозданной чистотой.

Не поняла, простите. Как так-то?!

– Все материалы по лекции вы можете найти в методическом пособии к моему курсу, – между тем с жизнерадостным видом заметил магистр. – Там же подробно разобраны ответы на экзаменационные вопросы, поэтому если радеете за высокие баллы, то от души рекомендую изучить его.

Я призадумалась. Вчера в книжном хранилище мне выдали даже не стопку, а гору книг, обязательных к изучению на первом году обучения. Старых, прошедших огонь, воду и академическую столовую: с истрепанными углами, подчеркнутыми строками, жирными пятнами и прочими прелестями фолиантов, передаваемых из поколения в поколение тех адептов, кому было не по карману выложить кругленькую сумму на покупку собственных учебников. Но не помню, чтобы к двум толстенным томам по мироустройству прилагались какие-то дополнительные книжные «изыски».

– У нас осталась пара минут. Задавайте вопросы, – предложил он, опершись ладонью о кафедру.

Мы находились в единодушном недоумении. Не по поводу мироустройства, конечно, а из-за методички. Подозреваю, абсолютно все ломали голову, где бы добыть волшебную книжечку, даже без заклинаний способную повысить балл на экзамене.

Наконец руку подняла девушка с первого ряда. Лица я видеть не могла, только узкие плечи, спрятанные под черной учебной мантией, да две косички, перекинутые на спину.

– Магистр Хилдис, могу я узнать о методическом пособии? Его не было в списке обязательной литературы. – Голос у девчонки оказался пронзительный и высокий.

– Какой хороший вопрос! – щелкнул преподаватель пальцами, а на доске на долю секунды снова мелькнули и мгновенно исчезли схемы – Как ваше имя?

– Матильда Юри, – с готовностью отрапортовала она и уточнила: – В фамилии ударение на последнюю литеру.

– Итак, госпожа Юри и все остальные, методическое пособие, автором которого является ваш покорный слуга, можно купить только у меня. Стоит недорого, всего семь соримов.

Я чуть не поперхнулась на вздохе. Семь? И это недорого? Обалдеть! Ровно столько стоили приличные осенние ботинки.

Вот так всегда! Только решишь начать жизнь «с чистого листа», как натыкаешься на извечный вопрос: важнее добротная обувь на промозглую погоду или хорошая успеваемость? Может, удастся перекопировать методичку, у меня даже заклятье имелось, или купить у ребят второго года?

– Чтобы адептам, честно приобретшим материалы, не было обидно, пособие заговаривается от незаконного копирования и прочтения. Другими словами, никто, кроме владельца, не сможет воспользоваться книгой, – рассказал о подленьком «сюрпризе» преподаватель. – Думаю, что это честно.

Божечки, это не магистр, призванный сеять вечное с прекрасным и взращивать в неофитах желание приобщиться к знаниям, а затрапезный торгаш! Разве что одет в темно-синюю учительскую мантию, а не в грязный фартук. Даже имя его не запишу – не заслужил! Может быть, на следующей лекции, если заработает.

Время занятия закончилось вместе с последней песчинкой, перекатившейся по узкому горлышку часов, и аудитория наполнилась переливчатым перезвоном невидимых колокольчиков. Народ моментально встал со своих мест. Пространство взорвалось голосами.

– Встретимся утром четвертого дня! – стараясь перекричать шум, снова объявил магистр Хилдис.

Прижимая к груди папку с листами писчей бумаги и стопку учебников, я выбралась в бурлящий коридор. Лекция по высшей магии проходила на другом этаже, но лестницу-то еще надо было найти, а перерыв длился жалких десять минут. Попробуй доскачи вслепую!

В Дартмурт я приехала только вчера утром, проведя почти сутки в почтовой карете. Попыталась заикнуться о воздушном корабле, долетающем из восточных долин до центра королевства всего-то за шесть часов, но тетка Надин посчитала меня полоумной, о чем немедленно и объявила. В общем, осмотреться я толком не успела. Пришлось действовать как обычно – следовать за толпой в надежде, что народ выведет в нужном направлении. Метод заплутавшего в столице провинциала не подвел и в этот раз, впереди замаячил широкий лестничный пролет.

Вдруг гудящее пространство взорвалось гоготом. Мимо, как взбесившиеся буйволы, проскакали парни. Я не успела отскочить с дороги и заработала ощутимый толчок крепким плечом. Папка с конспектами и книги немедленно свалились на пол. Удивительно, как меня саму не сверзили туда же. С уст почти сорвалось ядреное ругательство, но правила Дартмурта запрещали сквернословить, по крайней мере в голос, но тихонечко отвесить бранное словцо никто не возбранял…

Бурча под нос проклятья, я опустилась на корточки, чтобы собрать выроненные вещи. Только потянулась за папкой, как пальцы едва не оказались прищемленными мужским ботинком. Еле успела отдернуть руку!

– Привычная поза на коленях? – раздался сверху мужской голос, и его обладатель как ни в чем не бывало пошагал дальше в компании друзей.

Я резко выпрямилась и рявкнула ему в спину:

– Эй!

Он помедлил и с деланым недоумением оглянулся. Высокий, широкоплечий, чего даже мешковатая мантия не скрывала. Светлые волосы завязаны в хвост, глаза синие, наглые. В уголке капризного рта складочка затаенной усмешки… Я нос к носу столкнулась с белобрысым придурком. Ладно, буду надеяться, что он не имеет привычки запоминать подавальщиц.

– Эй? – изогнул он брови.

– Не хочешь извиниться?

– Перед тобой?

– А ты кому-то еще чуть пальцы не отдавил? – вопросом на вопрос ответила я.

Народ вокруг нас шушукался, хихикал и ждал скандала. Может быть, даже надеялся, что меня доведут до слез. Что сказать? Явно на жизнь с чистого листа, в которой я, Аниса Эден, не ввязывалась в потасовки с аристократическими кретинами, не тянуло.

– Не заметил, – нахально отбрил меня он.

– В таком случае носи с собой подзорную трубу!

– Не страдаю плохим зрением.

– Похоже, ты о себе чего-то не знаешь, Илай Форстад.

Боги, зачем я называла его по имени? Вряд ли он когда-нибудь заслужит такую привилегию.

– То есть ты в курсе, что меня зовут не «эй»? – немедленно уцепился он за оговорку.

– Ну да, – ловко выкрутилась я. – Во время лекции ты так громко представился, что даже в коридоре услышали. У меня, как назло, отличная память на дурацкие имена, а не на лица. Сразу не признала.

Мы встретились глазами. Последовала странная пауза. Время перемены неуклонно подходило к концу. Больше всего хотелось поскорее поднять учебники, папку и броситься в кабинет на соседний этаж, но нагибаться или снова присаживаться под насмешливым взглядом белобрысого придурка и его верных прихлебателей не возникало никакого желания.

– Ладно, провинция, ты победила. Извини меня. – Особым сожалением он, естественно, не лучился, да и не упустил момента покрасоваться: – Народ, драки не будет, расходитесь. Провинция уложила меня на лопатки.

Бросив последний, внимательный, а потому нервирующий взгляд, вместе с приятелями он направился к лестнице. Толпа вдруг вспомнила, что до начала занятия осталась жалкая пара минут, и принялась спешно разбредаться по коридорам.

Кабинет высшей магии представлял собой просторный зал с деревянными партами, в шахматном порядке выставленными перед преподавательской кафедрой. Стены подпирали шкафы с учебниками и расходными материалами. Судя по расписанию, здесь проводили и практические, и теоретические занятия.

Я обожала высшую магию! Наука была точной и скрупулезной. Она подчинялась строгим законам, изучала заклятья, требующие мастерства, аккуратности и внимательности, а не свободного пространства. Да и сногсшибательных (зачастую в прямом смысле слова) эффектов, как в боевой или стихийной магии, не имела.

И в этом «святилище» тишины, спокойствия и собранности однокурсники устроили громкие дебаты.

– Натуральный шантаж! – громко высказывался Флемминг Квинстад. – Они не имеют права заставлять нас покупать учебники сверх списка! Между прочим, я получил золотую медаль на турнире по мироустройству. Знаю предмет не хуже этого магистра! Зачем мне, спрашивается, его паршивая методичка?

Видимо, он совершенно не дорожил местом в списке преподавательских любимчиков. Ничего, пускай вылетает. Умные люди говорят, что на теплую кочку всегда найдется резвая лягушка. Не то чтобы я собиралась квакать ради попадания в «белый» список.

– Ботаник, так не бери, если не хочется! – высказался кто-то недовольно.

Не обращая внимания на всеобщий гвалт, я спокойно зашагала к свободному столу, но меня остановили:

– А ты?

Народ даже притих.

– Еще не решила, – дернула я плечом и положила вещи на расцарапанную парту с черными выжженными кляксами от заклятий. Белобрысый придурок, сидевший от меня через стол, как-то гаденько хмыкнул.

Зуб даю, что вспомнил! Вспомнил, где, когда и при каких обстоятельствах мы встретились.

С непроницаемым видом я опустилась на добротный, но жесткий стул с деревянной спинкой. Однокурсники продолжали спорить, хотя было очевидно, что все, кто имеет возможность выложить семь соримов ради положительной оценки на экзамене, непременно купят злосчастную методичку.

– Ребята, давайте соберем деньги, – предложила ярко-рыжая девица с противоположного конца кабинета.

Она повертела головой, словно присматривая жертву, а потом обратилась к Матильде Юри, которая, как оказалось, носила не только две длинные худые косицы, но и круглые очки в черепаховой оправе на тонком носу:

– Тильда, отдадим деньги тебе!

– Мне? – воскликнула та и даже ткнула пальцем себе в грудь. – Почему я должна собирать деньги?

– Ну… – Рыжая замялась.

– Это потому что я в очках? – пронзительно взвизгнула Матильда, и от возмущения у нее затопорщились косы. – Да? Скажи, да?!

– Магистр тебя уже запомнил!

Подозреваю, что активистка осознала, как чувствует себя доброхот, попытавшийся остановить трактирную драку и немедленно заработавший обидный фингал под глазом.

– Хочешь сказать, что очкастых всегда первыми запоминают?!

– А хочешь сказать, что только рыжие должны быть крайними? – огрызнулась она.

Возможно, разругавшиеся в хлам девчонки в конечном итоге вцепились бы друг другу в волосы на радость парням (я-то помню воодушевление завсегдатаев таверны, когда в непримиримой схватке сходились чьи-нибудь жены), но появился магистр Армас, преподаватель по высшей магии. Еще он был куратором нашего курса и, главное, умопомрачительно привлекательным мужчиной. Честное слово, без преувеличений! Он напрочь ломал расхожее мнение, что красавчик, не достигший печального возраста, когда зубы становятся фарфоровыми, животы – объемными, а принципы – гибкими, не имел права носить преподавательскую мантию.

– Тишина! – рявкнул магистр, и народ мгновенно притих. – Всем сесть!

Подчиняясь приказу, адепты моментально притаились за партами, словно надеясь, что преграда задержит волну преподавательского гнева и никто не окажется снесенным на другой конец аудитории. В кабинете воцарилась дивная тишина, даже в ушах зазвенело. Мы с опаской следили, как уверенной походкой Армас прошел к кафедре, перевернул песочные часы. Артефакт вспыхнул золотистым свечением, мерцающий песок медленно посыпался по узкому горлышку, начав отсчет времени.

– Господа будущие хранители, почему вы устроили кудахтанье, достойное адепток факультета бытовой магии? – Магистр обвел нас грозным взглядом.

– Магистр Армас! – немедленно поднял руку Квинстад. – Нас заставляют покупать дополнительные материалы по мироустройству, но по закону об образовании номер…

От запальчивой тирады меня отвлекли. В центре чистого листа, приготовленного для занятия, вдруг вспыхнул магический знак. По краям замерцал контур. Сероватая бумага превратилась в белую и гладкую, проявились тонкие, едва заметные строки, словно передо мной лежали чужие конспекты. Собственно, так оно и было. Хозяин этого самого конспекта начал выводить быструю, летящую строчку с мелкими хвостиками:

«Сиротка из таверны, я знаю, что ты делала прошлым летом».

Я оглянулась на белобрысого придурка, и он глумливо подмигнул, мол, твой позорный секрет раскрыт! Надо же, какой наивный, хуже девочки-провинциалки, но он же не догады-

вался, что я никогда не стеснялась работы подавальщицей в таверне. По сравнению с монастырским приютом жизнь в доме тетки Надин – небесные кущи.

Недолго думая я вывела:

«Подливала разным недоумкам в крепленое вино слабительные капли?»

Усилием воли я не позволяла себе проверить реакцию Форстада на провокационное признание. Продержалась целых три секунды и все-таки повернула голову. Согласна, терпение в скудный список моих добродетелей не входило. Белобрысый придурок с каменным лицом изучал раскрытый перед ним блокнот в кожаной обложке. Переваривал новости, что ли?

Пока мы обменивались колкостями, в кабинете опять поднялся базарный гвалт. Сведенные у переносицы брови магистра никого не смущали и не пугали, но мне было очевидно, что Армас особенным терпением не отличался. И сейчас бабахнет!

– Почему меня заставляют собирать деньги? Я что, староста? – пронзительным голосом возмущалась Матильда, обращаясь к учителю и тыча пальцем в рыжую: – Пусть она будет старостой.

– Зачем вообще покупать методичку? – немедленно огрызнулся Ботаник.

А на листе появилась новая запись от Форстада:

«Осторожно! Жизнь сироток в Дартмурте может быть полна задорных сюрпризов».

«Задорнее тех, что ждали тебя после винишка?» – не без ехидства вывела я почти иссякшим самописным пером.

Послание ушло к противнику…

Секунду спустя лист бумаги, аккуратно уложенный на папку, взорвался и удушливым фонтаном пепла брызнул мне в лицо. Машинально я прикрыла глаза, но во рту все равно появился мерзостный привкус. На кабинет, словно каменная глыба, обрушилась тяжелая тишина. Кое-кто, особенно смелый, не исключаю, что приятели Форстада, попытались несмело похихикать.

– Адептка Эден, встаньте! – рявкнул магистр, выказывая неожиданно прекрасную память на лица и имена, ведь мы встретились только вчера на церемонии приветствия, когда первогодкам наносили на запястье магический знак Дартмурта.

Встать было проблематичным. Я восседала в персональном облаке пепла, больше похожего на прах. Он ложился на мантию, оседал на волосах и вызывал позорное желание расчихаться. Заклятье разрушения, которым придурок взорвал записи, казалось столь великолепным в своей мерзости, что даже злиться не хотелось. Правда, подняться все равно пришлось.

– Вы с таким усердием конспектировали непотребный диспут, что бумага не выдержала? – с сарказмом спросил магистр.

Я открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь умную вещь, хотя не придумала, какую именно, как меня настиг позорный чих, звонкий, жизнерадостный и исключительно неуместный.

– Извините. – Шмыгнула носом. – Можно выйти?

– Непременно, – охотно согласился Армас. – Выйдите. С вещами.

Чего? Я оцепенела. Он что, выставляет меня с урока высшей магии?! Зашибись успешное начало учебы! Особенно если учитывать, что, по слухам, именно куратор курса занимался распределением адептов на команды, в которых нам предстояло каждый месяц проходить проверочные испытания.

– Форстад, вы тоже, – кивнул магистр.

– Да я даже пальцем не пошевелил! – фальшиво возмутился папенькин сынок.

– Насколько мне известно, вы второй адепт в этой аудитории, способный создать заклятье разрушения, не пошевелив даже пальцем, но вряд ли Эден его использовала, чтобы покрыть себя пеплом.

Я снова громко чихнула, словно соглашаясь с магистром, видимо, неплохо изучившим свитки с достижениями подопечных. Ответственность впечатляет! Одного не понимаю, как можно наказывать пострадавшую сторону? Справедливость из нашего мира утекла в Рейнсвер через разломы в грани? И даже то, что белобрысого придурка выставили следом, являлось малым утешением. Лучше бы не стала сдерживаться и тоже взорвала ему блокнот. Все равно оказалась бы в коридоре, но, по крайней мере, с фанфарами. Пусть эти фанфары и трубили только у меня в душе.

– Квинстад, Юри! – указал магистр на притихших скандалистов. – За дверь!

Судя по вытянутым лицам спорщиков, их тоже впервые выгоняли с лекции.

– После занятия принесете в мой кабинет свиток от кастеляна замка об отработке прогула. А теперь все вон! – прозвучал в испуганном молчании спокойный приказ. – Адепт Бади, ради всех святых, вы-то куда собрались?!

Невольно я обернулась. В проходе возвышался (именно возвышался, иначе не скажешь) крупный парень с коротким светлым ежиком на голове. Вот уж кому имя подходило! В переводе с эртонского, который мне пришлось зубрить в школе, слово «бади» означало презрительное «качок».

– Всем приказали выйти, – не понимая претензии, прогудел он.

– Вас это… – Магистр запнулся и махнул рукой: – А знаете, адепт Бади? Убирайтесь.

– Где?

– Куда! К кастеляну! – рявкнул Армас и обвел аудиторию гневным взглядом. – Кто-то еще желает приобщиться к физическому труду?

Адепты съежились, как гвоздики поздней осенью, и наверняка коллективно пожелали забраться под парты. Кто бы знал, что под маской приятного лощеного мужика скрывался натуральный зверь!

Провожали нас пятерых гробовым молчанием. Честное слово, как в последний путь. В смысле в кабинет ректора, откуда, если верить слухам, всех первогодок отправляли прямой вытоптанной дорогой домой.

И в самый разгар эпичной драмы, смущенно скрипнув, приоткрылась дверь. В аудиторию бочком втиснулась невысокая девушка с короткими волосами, собранными под скромный ободок. Она столкнулась с Илаем, первым покидавшим аудиторию, подняла большие, несчастные, как у потерявшегося олененка, глаза и пролепетала тихим голосом, обращаясь к нему, а не к тирану у преподавательской кафедры:

– Можно?

– Нет! – взбеленился разозленный Армас. – В эту аудиторию заходят до преподавателя. Ни секундой позже!

В коридор я выбралась следом за белобрысым придурком. Честно говоря, даже проталкиваться не пришлось – ребята шустренько разошлись, боясь оказаться обсыпанными сероватым пеплом. Кожа начинала страшно зудеть, и до зубовного скрежета хотелось умыться. Еще, конечно, убить Форстада, но пока умыться больше. Повезло, что на этаже имелась уборная.

Когда мы, то есть я, мантия и мое чувство собственного достоинства, попранное первым в жизни изгнанием с занятий, приобрели сносный вид (последнее для чужих глаз, конечно, было незаметно), однокурсники уже испарились. Подсказать, где находился кастелян, в пустом коридоре было решительно некому. Нет, конечно, всем первогодкам выдавали схему замка, но кто в своем уме станет бродить по учебному крылу, сверяя повороты по карте? Оставалось спуститься в холл и посмотреть на поэтажном плане, висевшем возле доски объявлений.

Кастелян, неприятный взлохмаченный старик в заношенной мантии, встретил меня ехидной улыбочкой и со словами, мол, труд облагораживает даже рейнсверских игуанодонов, а уж адептов-неучей – подавно, отправил в архив, который, если верить все тому же поэтажному плану, находился на чердаке хозяйственной башни. Очень высокой хозяйственной башни…

Другими словами, процесс облагораживания начался с того, что мне пришлось, считая про себя ступени, подниматься по нескончаемой винтовой лестнице.

Сквозь стрельчатые пыльные окна проникал солнечный свет, и было видно, что на каменных выступах нахохлились голуби. У меня дома считалось, что, если птицы стучатся в стекло, жди беды.

И ведь народное поверье не соврало!

Сначала в холодном воздухе повеяло резким запахом табака, а потом обнаружился белобрысый придурок, пыхтевший самокруткой под раскрытым окном. Сделав вид, будто он прозрачный, я попыталась пройти мимо, но Форстад нахально выпустил в мою сторону облако вонючего дыма.

– Если это приглашение составить тебе компанию, то не имею привычки травить себя всякой гадостью. – Я специально помахала рукой перед лицом.

– То есть ты травишь только других? – изогнул он бровь и снова затянулся. Вспыхнул кончик стремительно тлеющей самокрутки. Еще чуть-чуть, и кретин обожжет губы. По крайней мере я на это рассчитываю.

– Пока ты и сам неплохо справляешься, – намекнула на дурную привычку. – Кстати, на территории Дартмурта курение запрещено.

– Хочешь заложить? – нехорошо усмехнулся он.

– Много чести, – дернула плечом. – Но к слову, на твоем месте я бы извинилась.

– И за что же?

– Из-за твоего идиотского колдовства меня выставили с занятия. Несправедливо как-то.

Он резко отделился от стены и перегородил дорогу. От неожиданности я отступила, но тут же пожалела. Теперь приходилось задирать голову, чтобы пронзать придурка высокомерным взглядом. Немедленно шагнула обратно, едва не втяпавшись носом в его грудь. Но кретин все равно возвышался на полголовы, а мне грозило кувыркнуться спиной на каменные ступеньки. Что за напасть?

Пока я туда-сюда танцевала, пытаясь найти выгодную позицию, и утверждалась на лестнице, он швырнул под ноги тлеющий окурок и тихо, с угрозой произнес:

– На моем месте, Аниса Эден, ты бы свернула шею подавальщице затрапезной таверны, которая отравила нас с друзьями.

– Постой-постой! – категорично перебила я. – Давай-ка сразу внесем ясность! Это был не яд, а всего лишь аптекарское снадобье. Оно гуманнее.

– Да неужели? – сузил он глаза.

– Конечно. Не убивает, но взгляд на жизнь пересмотреть помогает. Хотя тебе, похоже, вообще не помогло.

Белобрысого мстителя перекосило. Наверное, он бы предпочел яд – быстрее отмучился бы, и никакого позора. Почти благородная смерть.

– Вы двое! – раздался сверху резкий голос. По инерции я отступила и выглянула из-за Форстада, пытаясь посмотреть, кого принесло в самый разгар задорного скандала. С недовольной миной, подперев бока руками, на лестнице стоял старшекурсник, судя по цвету герба, пришитого на мантию, с факультета общей магии. – На отработку?

Я кивнула.

– Тогда поднимайтесь! – Он развернулся и даже занес ногу над ступенькой, но все-таки бросил через плечо: – В академии курить запрещено.

– Неудачник, – буркнул едва слышно Форстад. Учитывая, что отработка ждала именно нас, я была готова поспорить с утверждением, кто здесь больший неудачник, но только издевательски закатила глаза.

Думала, что сейчас придурок с презрительным видом направится в противоположную сторону, мол, не для мальчиков с золотыми ложками в зубах и громкими фамилиями следовать

правилам, будто простым смертным, но он с мрачным видом начал подниматься следом за архивариусом. В общем, удивил неимоверно.

Размер архива, спрятанного за деревянной дверью с металлическими заклепками, заставил меня присвистнуть. Двухъярусные стеллажи, заставленные бесчисленными папками с дипломными работами, практически упирались в толстые балки перекрытий. До верхних полок можно было дотянуться, вскарабкавшись на длинную лестницу на колесиках.

В центре стоял массивный стол, заваленный все теми же папками, и однокурсники уже их перебирали. На столе пересыпали мерцающий песок часы, отмеряющие время каторги. По расписанию высшей магии стояло три часа, и нам грозило уработаться в хлам на благо дорогой академии.

Флемминг недовольно пробормотал:

– Явились не запылились.

Еще одно спорное утверждение. Я как раз запылилась еще на занятии. Заклятье, конечно, отчистило мантию, но ткань выглядела посеревшей, словно ею протерли пыльный пол. К сожалению, еще не придумали магии, превосходящей банальный мыльный щелок.

– Соскучился, Ботаник? – немедленно парировал Форстад.

Между тем старшекурсник выдрал из рук Тильды папку и швырнул в одну из неустойчивых стопок:

– Объясняю еще раз для опоздавших и непонятливых. Нужно рассортировывать по алфавиту и расставлять по номерам на стеллажи. – Он кивнул на нас с Илаем, распределяя обязанности: – Вы двое! Ты вытираешь полки, ты расставляешь. Начинайте со второго яруса.

Невольно я перевела взгляд на ведро с водой и мокрую ветошь, свисающую с края.

– Привычная работенка? – тихо промурлыкал Форстад.

– Свали за грань, – огрызнулась я.

Он стянул мантию, оставшись в черных брюках и таком же черном свитере, как-то по-особенному ладно облегающем широкие плечи. Сразу видно, что подлец не гнушался тренировок. Конечно, на фоне здоровяка Бади, у которого крепкие мускулы при любом движении натягивали ткань опрятной рубашки, он выглядел бледновато, но по сравнению с низкорослым субтильным Ботаником – проклятие! – Флеммингом казался внушительным. Невольно я заметила, как замерли девчонки, когда придурок задрал рукава, открыв крепкие красивые предплечья. Тильда даже очки поправила. Видимо, чтобы получше разглядеть.

– Чего застыли? – рявкнул архивариус. – Хотите получить отработку за саботаж отработки?

Божечки, такое тоже бывает?! Я немедленно принялась расстегивать мантию, но потом передумала. Белая блузка не заслужила испытания архивной пылью, а ученическую форму все равно придется стирать. Пусть побудет хозяйственным халатом, простите меня, академические боги, если вы существуете.

Учебники пристроила на видное место – водился за мной грешок забывать вещи где ни попадя. Подхватив тяжелое ведро, я взяла штурмом крутые деревянные ступеньки. Правда, на последней ноша едва не перевесила. Вода выплеснулась на мантию.

– Да чтоб тебя! – выругалась сквозь зубы.

В проход между стеллажами и деревянным ограждением я забралась едва не на карачках. Вообще после покорения, так сказать, лестничной вершины с ведром наперевес тянуло чуточку полежать на полу, но подняться и дотащить воду до нужного стеллажа все-таки пришлось.

Стартовать решила с верхних полок. На всякий случай проверила упоры на колесиках приставной лестницы, чтобы часом не откатиться, и с опаской начала подниматься, ощущая, как под ногами неприятно поскрипывают перекладины. Утвердившись на вершине, почти под потолочными балками, я тяжело вздохнула. Последний раз стеллажи мыли в то время, когда… короче, никогда.

Только начала, так сказать, превращаться из рейнсверского игуанодона в человека путем уничтожения пыли, как лестница подо мной зашаталась. От страха забыв взвизгнуть, я вцепилась в полку и с ненавистью глянула вниз. С кипой папок в руках, запрокинув голову, мне скалился белобрысый придурок. Надеюсь, он под юбку не пялился? Я с трудом подавила позорное желание зажать широкий подол между коленок.

– Поставишь? – спросил Форстад, намекая на стопку.

– Прополощешь? – Без колебаний я уронила на него грязную тряпку. К сожалению, в глумливую физиономию не попала – плохо прицелилась, но ветошь живописно плюхнулась белобрысому придурку на плечо и так красиво повисла, просто загляденье!

– Ты бессмертная, что ли? – рявкнул Илай и с брезгливостью повел плечом, сбрасывая тряпку.

– Тогда сам расставляй папки, – отозвалась я и слезла с верхотуры, стараясь не думать, какой замечательный вид открывался снизу. Попыталась протиснуться к ведру между Форстадом и ограждением, но он не сдвинулся с места.

– Ты статуя?

– Свитер постираешь, – спокойно заявил он.

– Тогда ты, может, мою мантию постираешь? – парировала я.

Мы работали молча, стараясь по возможности друг друга не задевать. Во всех отношениях. И если угроза скандала решилась гробовым молчанием да натужным сопением (моим), то избегать случайных неловких прикосновений в узком пространстве оказалось чрезвычайно сложно. Клянусь, я демонстрировала волшебство телесной гибкости, лишь бы случайно не столкнуться с напарником. Вдруг захочется двинуть локтем ему под ребра? Потом выслушивать замучаешься.

Но все хорошее быстро заканчивается. Мирный совместный труд, призванный пробудить в нас сознательность, тоже. Я выжимала тряпку, когда Форстад очередной раз спустился с лестницы. Грязные брызги случайно попали ему на штаны.

– Извини, – по привычке сказала я, напрочь забыв, с кем имею дело.

– Брюки тоже постираешь, – спокойно объявил он.

– Давай тогда уж и туфли почищу! – В сердцах я швырнула тряпку ему на чистенькую туфлю из формованной кожи. Грязная ветошь прилипла к носку с замечательным чмокающим звуком. Это стоило провернуть только ради того, чтобы увидеть, как белобрысого придурка перекосило.

Скрипнув зубами и пробормотав неразборчивое ругательство, он тряхнул ногой, пытаясь скинуть тряпку, но та дорогую обувь покидать не собиралась, прикипев к ней со всей невозможной страстью. Форстаду пришлось нагнуться. Это была маленькая победа! Держа ветошь двумя пальцами и рассматривая меня немигающим злобным взглядом, он уронил ее обратно в ведро. Поднялся фонтан брызг. Я-то успела отскочить, только едва-едва испачкав краешек и без того изгвазданной мантии, а вот ему прилетело на вторую туфлю, все еще остававшуюся чистой.

– Обувь сам помоешь, – немедленно прокомментировала я.

Он свалил обратно на нижний ярус, откуда доносился пронзительно-громкий голос Тильды, а меня ждали средние полки. Стараясь перебороть брезгливость, я смахнула тряпкой мусор и немедленно услышала вопль:

– Да ты, демоны дери, издеваешься!

Прижимая кипу папок одной рукой, другой Форстад пытался смахнуть с заметно растрепанной шевелюры грязь. Пожалуй, теперь моя душенька была спокойна. Он, конечно, выглядел почище меня после взрыва конспекта, но по крайней мере я точно знала, что именно налипло тогда на волосы.

– Клянусь, я случайно.

– Случайно?! – в ярости задрал он голову и ловко подставил колено, когда чужие дипломные работы едва не посыпались на пол.

– Значит, тебя мне теперь тоже надо постирать? – съехидничала я.

– Эден! Твою… Просто слезь оттуда. – Он запнулся, глубоко вздохнул, видимо, пытаясь сдержать поток брани, но злость победила: – И дай мне наконец поставить эти треклятые папки!

Вернее, он сказал вовсе не «треклятые», а кое-что покрепче, но в приличном обществе адептки, облагороженные генеральной уборкой архивов, такие слова не произносят. Точно не в ученической мантии. Даже если она выглядит как половая тряпка, а не сакральный наряд, в котором получают академические знания.

– Божечки, зачем так орать? Можно просто сказать, – фальшиво охнула я и, спустившись, махнула рукой: – Милости просим. Поклониться не надо?

Он смерил меня нарочито высокомерным взглядом, специально останавливаясь то на грязном пятне, украшавшем вымазанную одежду, то на кое-как завязанной лентой косе. Многозначительно изучил пыльные туфли и вдруг произнес:

– И чего я хочу от провинциальной подавальщицы?

– Действительно, что может хотеть папенькин сынок с золотой ложкой во рту от подавальщицы, всю жизнь себя содержавшей, – протянула я, когда он уже начал подниматься к полке.

Форстад на мгновение замер и вдруг с такой яростью запихнул папки, что они посыпались на пол. Пришлось прижаться спиной к стеллажу, чтобы сверху не прихлопнуло чужой дипломной работой. И все равно прилетело. Острым углом по темечку, даже в глазах потемнело.

– Извини, – сверху бросил кретин. – Соскользнуло.

– Ты специально! – взвилась я, потирая ушибленное место.

– Руки совсем не слушаются, – ухмыльнулся он.

От злости я пнула лестницу. Та затряслась, и сверху донесся сдавленный поток брани.

– Рехнулась?!

– Извини, нога соскользнула! Такая непослушная! – объявила я.

– Вы двое! – завопил снизу архивариус. – Что у вас происходит?!

– Трудимся на благо академии! – отрапортовал Илай. Он ловко спрыгнул с лестницы, отряхнул руки, свитер и небрежно бросил: – Приберись здесь. Я заплачу.

И вдруг стало очень-очень обидно! Никогда не считала себя нежной фиалкой с тонкой душевной организацией, чтобы докопаться – надо постараться, но кретин как-то ловко умел находить болевые точки.

– Заплатишь? – тихо повторила я, мысленно представляя, как выплескиваю на него ведро грязной воды.

– Семь соримов хватит? Как раз методичку купишь.

Пока соображала, чем парировать, он, наступив на папку и оставив на обложке пыльный фигурный отпечаток, направился к лестнице на первый ярус.

– Столичная принцесса! – бросила я в сердцах.

Форстад резко остановился и оглянулся:

– Как ты меня назвала?

– Да я вообще-то молчала. Пыталась прикинуть, хватит ли семь соримов или больше запросить.

– Столичная принцесса? – с угрозой в голосе повторил он.

– Ну… приятно познакомиться, – с трудом сдержав ехидный смешок, развела я руками. – Почему-то думала, что ты только на имя отзываешься, но, если настаиваешь, могу называть тебя принцессой. К слову, тебе подходит.

– Эден… – с предупреждением проскрипел он.

– Это, конечно, ужасно странно, но если тебе нравится…

– Смотрю, ты знаешь толк в том, как нажить себе врагов, – нехорошо усмехнулся он.

– А ты что, хотел подружиться?

Форстад просто ушел. Под его ногами завибрировал пол, проскрипели крутые ступеньки на деревянной лестнице, ведущей на нижний ярус. И вроде он оставил последнее слово за мной, а почему-то я чувствовала себя оплеванной. Даже шею как-то странно защемило.

Глава 2
Инструкция по доведению принцесс

Измученные и усталые, впятером мы стояли в гулком холле с высокими потолками и до конца не верили, что каторга в архиве закончилась. Вокруг царил рыночный гвалт, туда-сюда шныряли адепты. Мы тихонечко теснились к Бади, которого даже при желании невозможно было сдвинуть с места.

В воздухе носились наколдованные кем-то из старшекурсников светящиеся птицы. Они устроили бой: налетали друг на друга, рвали призрачные перья, и сверху сыпались затухающие искры слабеющей магии, а с балкона с массивными балясинами неслись возбужденные выкрики. Неожиданно летуньи испарились, голоса примолкли. Похоже, игроков разогнал кто-то из преподавателей.

– Надо отнести свиток к Армасу, – напомнил Флемминг и тут же добавил: – У меня через пять минут первое собрание в историческом клубе. А у вас?

А у нас ножки, ручки да лапки! У кого-то, правда, копытца, но он уже успел слинять, слава богам, и не светил своей физиономией в коллективе приличных людей.

Занятия на сегодня закончились, и тащиться в преподавательскую башню на другом конце замка совершенно не хотелось. Это ж сколько коридоров и лестничных пролетов надо преодолеть? За последние три часа я так напрыгалась вверх-вниз, туда-сюда, что мечтала вытянуть гудящие свинцовые ноги. Вытянуть, в смысле, не издохнуть, а просто передохнуть. Хотя нет, издохнуть – тоже неплохой вариант.

– Почему ты смотришь на меня? – немедленно ощетинилась Тильда на умника. – Если я в очках, то крайняя, что ли?

– Что ты привязалась со своими очками? Я вообще смотрел на Бади! – огрызнулся он, не желая связываться со скандалисткой.

Здоровяк, кажется, глухой к неожиданной разборке, стоял навытяжку, расставив ноги на ширине плеч и спрятав руки за спину. Как на построении, право слово.

– Тренировка, – коротко объявил он, давая понять, что поход в преподавательскую башню в его планы не входил.

– Когда? – уточнила Матильда, видимо, все еще пытаясь надавить Бади на совесть.

– Сейчас.

Спорить с серьезным накачанным парнем ростом почти шесть с половиной футов никто не решился. Меня в расчет тоже не брали. Подозреваю, не сговариваясь, сошлись во мнении, что человек, полдня цапавшийся с Илаем Форстадом, недовспыхнувшей звездой Дартмурта, уже достаточно настрадался, чтобы идти на ковер к магистру-тирану. Или, может быть, у меня был такой измочаленный вид, что дураку становилось ясно – на этом самом ковре я способна разве что тихонечко лежать, но никак не стоять.

Но посмотрела бы я на вас после суток в почтовой карете, заполошного дня, почти бессонной ночи, а потом трехчасовой отработки из-за какого-то идиота, решившего, что взорвать конспект кому-то в лицо – отличная идея. Сама не понимаю, почему мысли всегда сворачивали к белобрысому придурку. Надо отомстить и выкинуть из головы!

– В таком случае предлагаю отнести тому, кто забрал свиток, – немедленно нашел альтернативу Флемминг.

Невольно мы все оглянулись на миниатюрную глазастую девушку, выставленную Армасом за опоздание. Как выяснилось во время уборки, звали ее Марлис Нави-эрн, и она являлась чистокровной эртонкой. Разумеется, выяснилось не само по себе. Тильда спросила напрямую, когда они дружно складывали в алфавитном порядке папки, а я драила грязные полки

и откровенно ненавидела белобрысого придурка. В тишине архива громкий пронзительный голос однокурсницы, всегда говорившей с необъяснимой претензией, был слышен даже на втором ярусе.

Подписанный свиток кастелян отдал именно Марлис. Теперь она нервно мяла свернутую трубочку, скромно молчала, но, судя по всему, после опоздания появляться перед злобным тираном не горела особым желанием, а заявить об этом вслух стеснялась.

– Все согласны? – воинственно подняла подбородок Тильда.

– Вы еще проголосуйте, – буркнула я и протянула руку: – Давай отнесу… Кстати, куда идти?

К счастью, кабинет куратора находился на втором этаже преподавательской башни, и забираться до самого чердака не пришлось. Перед дверью с табличкой, на которой золотыми буквами было выбито «магистр высшей магии В. Армас», я быстренько стянула замусоленную мантию, поправила выбившуюся из-под пояса юбки белую блузку и осторожно постучалась. Никакого ответа не последовало.

Оказалось, что за дверью скрывалась тесная приемная с пустующим столом. Судя по всему, у магистра имелся помощник, и успей я его застать, не пришлось бы идти на поклон лично к тирану. Какая досада!

На окне, невольно притягивая взгляд, разевала ярко-фиолетовые зубастые головки рейнсверская мухоловка. Выглядел плотоядный цветок здоровым и крепким. Верхушку мясистого стебля, длинным указующим перстом торчащего из гущи ловушек, усеивали мелкие пятнистые цветочки. Тетка Надин как-то попыталась завести пяток местных росянок, рассчитывая избавиться от надоедливых насекомых в обеденном зале таверны, но выпившие посетители вечно подливали в горшки имбирное пиво, и «хищницы» издохли быстрее, чем победили несметные полчища мух.

Коротко выдохнув, я едва слышно постучалась к магистру и заглянула в кабинет. Армас сидел за массивным письменным столом и, хмурясь, изучал какие-то бумаги. Он перевел на меня быстрый взгляд.

– Можно?

– Проходите, Эден. – Он снова вернулся к чтению.

Я бочком, очень неловко втянулась внутрь и замерла на пороге, быстрым взглядом окинула неожиданно старомодный кабинет. Мебель была громоздкой и строгой, словно бы вывезенной из особняка разоренных аристократов, хотя фамилия магистра непрозрачно намекала на скромное происхождение. На окнах висели бутылочно-зеленые портьеры, а на стене – многочисленные дипломы в золоченых рамочках. В воздухе витал пряный запах высшей магии.

Преподавательская мантия висела на деревянной вешалке и отчего-то казалась инородной в этой обстановке. Я тоже казалась ужасно инородной в этом кабинете, особенно с грязной ученической формой, перекинутой через локоть, и со стопкой учебников, прилично оттянувшей руки.

– Я принесла свиток от кастеляна, – произнесла тихо, стараясь не пялиться на куратора.

Не пялиться получалось плохо. Он сидел в белой рубашке из тонкого материала, обтягивающей плечи. Неформальная одежда совершенно не вязалась с образом строгого преподавателя по сложнейшему предмету, зато подчеркивала, насколько Армас хорош собой. Хотя не спорю, может, у меня не очень притязательный вкус.

– Почему вы в гордом одиночестве? – не отрываясь от чтения, уточнил этот самый привлекательный мужчина менторским тоном. – Где остальные?

– У них заседание исторического клуба, – выпалила первое, что пришло в голову. В конце концов, это же почти правда. Ботаник точно отправился заседать на этом своем собрании умников, разбиравшихся в мироустройстве без методичек за семь соримов.

– У всех сразу? – с издевкой спросил Армас и отложил бумаги.

Лучше бы он продолжал делать вид, что перед ним невидимка! Не пришлось бы переживать ехидный взгляд. В ответ у меня запылали щеки, уши и наверняка на шее расцвели красные нервные пятна. Раньше, конечно, не страдала, но ведь все случается в первый раз. Отчего бы не перед магистром высшей магии?

– Ну… у всех, кроме Бади, – нашлась я. – Он опаздывал на тренировку.

– А вас, выходит, не взяли?

– Я не увлекаюсь историей и не хожу на тренировки.

– А чем же вы увлекаетесь?

– Высшей магией, – не удержалась я.

– Ясно. – Магистр кивнул на стол, мол, положи грамоту и отчаливай, а сам взялся за бумаги.

Решив, что мне страшно повезло, я быстренько пристроила свиток на стопку книжек, но помятая трубочка, вдруг обретя подвижность, начала скатываться с края стола. Еле успела поймать! Выиграв бой с норовистой бумаженцией, с чувством выполненного долга я заторопилась смыться из кабинета.

– Адептка Эден, – вдруг донеслось в спину.

Я испуганно оглянулась.

– Считаете наказание несправедливым? – изогнул Армас одну бровь. Правую. На мой скромный взгляд, подобную мимику преподавателям, не впавшим в старческий маразм, вообще следовало запретить приказом ректора.

– Да! – неожиданно даже для себя высказала я и очумела от собственного нахальства. Кто меня вечно за язык тянет, ей-богу?

– Значит, не понимаете, почему вы оказались за дверью? – Он откинулся в кресле. – Скоро у вас начнутся проверочные испытания в команде из шести человек. Вы же в курсе?

– Конечно, магистр.

Странный вопрос, честное слово. Разве найдется на факультете хранителей первогодка, не знающий о зачетных испытаниях в закрытых магических комнатах? Между собой адепты называли их на новомодный эртонский манер «квестами» – «развлечением» в дословном переводе. Подозреваю, что это все-таки ирония. За проваленные испытания адептов-хранителей безжалостно отчисляли. К выпуску народу оставалось раз-два и обчелся.

– От командных испытаний зависит средний балл, – вычитывал куратор. – Другими словами, еще пять человек будут влиять на то, сумеете ли вы успешно закончить учебу. И если вы не готовы отвечать за ошибки людей рядом, то стоит задуматься о смене факультета и перейти на общую магию. Оттуда редко кого отчисляют.

Казалось, что он отвесил мне знатный подзатыльник, даже в ушах зазвенело.

– Это совершенно невозможно, магистр, – стараясь говорить ровно, не показывая, насколько задета, произнесла я, и во взгляде Армаса промелькнуло любопытство. – Там не преподают высшую магию.

На долю секунды показалось, что сейчас куратор улыбнется – уголки губ почти дрогнули, но он только сухо ответил:

– Хорошо. – И кивнул в сторону двери. – Вы свободны.

К рейнсверским демонам хорошее поведение! Уходить так с фанфарами! Для начала я не сдвинулась с места, хотя фанфары в голове уже трубили. Видимо, все-таки тревогу, а не победный клич.

– Мы закончили, – напомнил Армас.

– А разве вы не дадите материалы по сегодняшнему занятию? – нахально спросила я.

На некоторое время в кабинете повисла изумленная тишина. Думала, что он выставит меня взашей и даже глазом не моргнет, но куратор полез в верхний ящик и молча вытащил стопку исписанных листов. Не иначе как под впечатлением от ученического рвения.

Не сводя с меня ироничного взгляда, Армас небрежно бросил записи на стол, и волна взъерошенного воздуха снесла свиток кастеляна. Нагибаться за ним я посчитала лишним.

– А вы умеете вежливо просить, адептка Эден, – все-таки выдал язвительный комментарий, когда со словами благодарности, едва не роняя учебники и мантию, я забрала стопку, и добавил: – Завтра.

– Простите?

– Вернете завтра перед занятиями. Вместе с решениями задач.

А вы умеете вежливо поставить на место, магистр Армас…

– Как скажете, – в предчувствии бессонной ночи буркнула я.

– Как скажете? – насмешливо переспросил он, давая понять, что один из нас явно переборщил с дерзостью. – А вы занятная девушка, Аниса Эден.

– Как рейнсверская мухоловка? – вырвалось у меня.

– Идите, пока еще что-нибудь… не сказали, – ухмыльнулся магистр.

Оставалось чопорно кивнуть, развернуться и, задрав нос, гордо удалиться. Хотя стоило бы смотреть под ноги, тогда не споткнулась бы на пороге, как последняя неловкая ослица. Странно, что ничего из рук не посыпалось.

Почерк у тирана оказался… тиранический, иначе не скажешь. Он не писал, а путал строчки, закручивал мелкие литеры, покрывая ими ни в чем неповинные листы дорогой бархатистой бумаги кипенно-белого цвета. А формулы! В неразберихе значков, щедро рассыпанных по страницам, не разобрался бы даже профессор, что говорить о вчерашней школьнице. И это меня учитель по чистописанию клеймил позором за то, что я левша? Да он просто никогда не держал в руках лекции магистра Армаса! Он точно пишет левой… ногой.

– Да демон тебя дери, каллиграф рейнсверский! – выругалась я, запнувшись на очередном неразборчивом абзаце.

Самописное перо, само собой летающее по странице, послушно законспектировало длинное ругательство. Надо сказать, не самое крепкое из тех, что у меня вырывались. Вообще чернильные перья и грифельные карандаши, заговоренные заклинанием копирования, адептам использовать запрещали, но я-то сидела не в аудитории и даже не в библиотеке, а в гомонящей столовой и старательно диктовала лекцию, в промежутках пытаясь запихнуть в себя кое-какую еду.

Кормили в академии паршивенько, особенно в сравнении со стряпней Бринни, поварихи из теткиной таверны. Лучше бы я слопала булку с маслом и запила травяным напитком, по вкусу отдаленно напоминавшим кофе. Хотя отвратным пойлом нахлебалась уже до ушей! Есть у меня дурацкая привычка запивать раздражение.

– Аниса, привет! – раздался где-то над головой пронзительный голос Матильды Юри, который, по-моему, было невозможно спутать. Я не донесла до рта вилку с насаженным кусочком вареной брокколи и подняла голову. Одетая в аккуратное платье с белым воротничком Тильда держала в руках поднос с едой, а позади нее переминалась с ноги на ногу тихоня Марлис.

– Привет, – ответила я. Самописное перо, встрепенувшись, моментально запачкало лишним словом и без того не обремененный аккуратностью конспект. Пришлось хулиганку сжать в кулаке и потушить магию, пока она не принялась конспектировать столовский треп вместо сложных формул высшей магии.

– Мы к тебе, – заявила Тильда и немедленно опустила поднос, словно не заметив, как ловким жестом рыночного фокусника я вытащила листы с лекцией. – Ты в курсе, что экзамены только в конце полугодия?

– Кажется, где-то такое упоминалось, – фыркнула я, аккуратно складывая конспект в стопку.

Марлис тихонечко присела рядом со мной, неслышно поставила поднос с едой. Движения отличались особой вкрадчивостью, словно она старалась всегда оставаться незаметной. Настоящая Тихоня!

– Приятного аппетита, – проговорила она.

– Он был бы приятнее, если бы здесь прилично готовили. Я уже подумываю сказать папочке, чтобы он не оплачивал питание на следующее полугодие. Буду есть в городской таверне, – заворчала Тильда и, сморщив нос, через очки внимательно присмотрелась к кусочку вареной морковки у себя на вилке. – А ты, Аниса?

– У меня стипендия.

Стипендия покрывала обучение, полный пансион и даже небольшое денежное довольствие, которое, к слову, быстренько отнимали, если средний балл опускался ниже «хорошо». Приходилось есть, что давали, жить в той комнате, куда селили (подозреваю, раньше там был чулан), и тихо радоваться, а не капризно кривить физиономию.

– Ты, значит, из умников, – протянула Тильда и куда-то кивнула: – Квинстад вон тоже.

Мы дружно оглянулись. Зал столовой представлял собой огромное помещение с оштукатуренными прямо по каменной кладке стенами, массивными деревянными колоннами-подпорками и с разновеликими столами. За одним из общих столов в большой компании, видимо, приятелей по историческому клубу ужинал Ботаник. Поодаль в гордом одиночестве ел Бадикачок. Он работал ложкой с хмурым упорством, не обращая внимания на царящий вокруг гвалт.

Ни одного белобрысого придурка отдельно или в компании замечено не было. Поди, с приятелями заседали в какой-нибудь из городских таверн и портили настроение очередной подавальщице. В таком случае, надеюсь, им попадется непрошибаемая тетка и, не накормив, выставит пинками на улицу.

– Как прошла встреча с Армасом? – наконец спросила Тильда. Наверняка девчонки решились ко мне подсесть и помешать переписывать высшую магию, чтобы выяснить о встрече с куратором. Видимо, завести разговор с разбегу все-таки было неудобно.

– Он спросил, почему я появилась одна.

Соседки испуганно переглянулись.

– И что ты ответила? – потребовала рассказать Матильда.

– Что все ушли на собрание исторического клуба, – с ехидцей оповестила я. – Надеюсь, что вы любите историю.

– Угу, чуть больше боевой магии, – вздохнула Матильда. – Я тут навела справки об Армасе… В общем, он не человек, а зверь в человеческом обличье. Говорят, если попадешь в опальный список, то проще сразу перевестись на общую магию. Жизни не даст!

Во мне немедленно разгорелось желание решить все задачи, написанные в конце лекции. Да так, чтобы придраться оказалось не к чему.

– А мне он показался симпатичным, – вдруг произнесла Марлис, не поднимая глаз от тарелки, будто за три секунды, что находилась в аудитории, действительно успела рассмотреть демона в преподавательской мантии.

Мы с Тильдой одарили тихоню одинаково возмущенными взглядами. Куратор был необычайно хорош собой и дал бы фору любому красавчику-лицедею в королевском театре, хоть портретную карточку под рамку зеркала засовывай и любуйся, пока глаза не заслезятся. Однако если подумать, рейнсверская мухоловка тоже отличалась удивительным окрасом, притягивающим взгляд, и вызывала искреннее восхищение, но оставалась хищницей, безжалостно жрущей комариков. С таким плотоядным жильцом в кабинете магистра даже пыль боялась летать, а не только мухи.

– Посмотрим, как ты запоешь, когда на следующем семинаре он вызовет нас всех к доске и заставит тремя способами решать уравнения по разрушению, а потом еще демонстрацию

прикажет устроить, – фыркнула Тильда и тут же поежилась: – Ненавижу демонстрации. Для высшей магии у меня слишком неповоротливые пальцы.

– Он дает только два способа, – заметила я.

– Целых два?! – истерично взвизгнула Матильда. – Нам точно конец! Жизнь – боль! Надо думать, куда переводиться…

– Разве два не лучше трех? – не поняла я логики.

– Ну да… – Она шмыгнула носом и поправила очки. – Кстати, откуда ты знаешь?

– Из лекции, – намекнула я на стопочку листиков, аккуратно сложенную на соседний стул. Чтобы, не дай боги, ни одна капля от томатного соуса не запятнала идеально белую бумагу. Умру же от позора, если буду возвращать записи, замаранные каким-нибудь жирным непотребством.

– У тебя есть сегодняшняя лекция? – Девчонки невольно навалились на столешницу, точно старались оказаться ко мне поближе. – Кто дал?

– Армас.

– Сам?! – завопила Тильда с такой громкостью, что парни за соседним столом принялись затравленно озираться, пытаясь отыскать источник пронзительного звука.

– Вроде того… – поморщилась я, не горя желанием рассказывать, как по личной инициативе, исключительно из желания что-то (сама не в курсе, что именно) доказать придирчивому магистру, попала в большую – как бы поприличнее выразиться-то? – яму. А теперь безуспешно пыталась оттуда выбраться и собиралась предпринимать попытки до самого утра, пока не придет время вернуть записи.

– Перепишем вместе! – взмолилась Тильда.

– Расшифровывать умеешь? – вздохнула я.

Быстро закончив ужин, втроем мы отправились в зал для самостоятельных занятий. Он пустовал, что совершенно не удивляло. Только на столе дежурного лежала раскрытая книга и горела магическая лампа, но самого дежурного тоже не было. Мы почему-то долго выбирали место, хотя добротные столы, пережившие не одно поколение адептов, отличались разве что надписями, выжженными на деревянных столешницах.

Встряхнув шар с живыми светляками, я вернула его на подставку. Пробужденные магические мушки бились о стеклянные стенки, набирая яркость и силу. Пока трещащая лампа разгоралась, мы разложились. Одно лишнее самописное перо я носила в напоясном кожаном кошеле, второе Тильда тихонечко стянула со стола дежурного. И в гробовом молчании мы склонились над преподавательскими записями. Пауза затянулась.

– Я почему-то решила, что слово «расшифровать» – это замысловатая фигура речи, – вздохнула Матильда.

– Замысловатый здесь только почерк у Армаса, – фыркнула я.

– Приступим. – Приятельница закатала рукава коричневого платья, решительно отбросила за спину длинные косы и объявила: – Перепишем то, что ты уже переписала!

Кто бы сомневался, что все равно мучиться придется мне одной. Да еще проклятые задачки решать!

Мы трудились не покладая рук. Вернее, руки были заняты у девчонок, скрупулезно переписывающих мои невнятные конспекты, а я, бубня себе под нос, диктовала лекцию самописному перу, шустренько егозившему по бумаге. Все равно дежурный в зале не появился, так кого стесняться?

– Аниса, вы с Форстадом вроде того… – Тильда многозначительно примолкла, хищно блеснули стеклышки очков.

– Вроде чего?

– Ну того… – Она потерла между собой указательные пальцы, перепачканные чернилами, как у первоклашки. Видимо, жест имел особый сакраментальный смысл, но в наших восточных провинциях, знаете ли, предпочитали объясняться словами.

– Не поняла.

– Вы парочка?

– Мы? – с ужасом охнула я. – Со столичной принцессой?! Чур меня!

Еле сдержалась, чтобы не осенить себя божественным знамением. Вдруг накаркают? Надо бы в библиотеке почитать какой-нибудь фолиант про изготовление амулетов от сглаза. Конечно, шаманство не признано официальной магической наукой, но, если дело касается белобрысого придурка, я готова и через левое плечо поплевать, и вокруг своей оси три раза повернуться, и даже по деревяшке постучать. Что там еще советуют делать от наговоров?

– Это хорошо… – Она навалилась на стол, чтобы оказаться ко мне чуточку ближе, и громко зашептала: – Он встречался с тремя девчонками из моей магической школы… Ну вы понимаете, что я имею в виду?

– Нет, – сдержанно отозвалась Марлис.

– Боги, откуда ты такая наивная? Прелюбодействовали они!

– Сейчас так никто не говорит, – фыркнула я.

– У меня пансионное воспитание, – отмахнулась Тильда и разъяснила для непонятливых: – Спал он с ними. С тремя. Понимаете? Секс!

– Со всеми вместе? – охнула Марлис.

– Да нет. Отдельно. Иначе они не подрались бы в столовой. Одной даже клок волос выдрали.

– Бедняжки, – насмешливо отозвалась я.

– Но вы-то откуда друг друга знаете? – полюбопытствовала Тильда. – Не хочу обидеть, ты, конечно, симпатичная, но видно, что не из столицы.

– А ты умеешь хвалить людей, – хмыкнула я, решив, что тема закрыта, но девчонки смотрели с горящими любопытством глазами, пришлось ответить: – Встретились однажды. Не в столице.

От расспросов меня спасло заговоренное перо, которое услужливо записывало каждое сказанное слово. По листу тянулась длинная, похожая на гусеницу строка. Она уже переметнулась на парту, где остались несколько чернильных закорючек.

– Проклятье! – ругнулась я.

Надпись потянулась к краю стола.

– Демон дери! Пр-р-ру, идиотка! Остановись ты! Стоп!

Восторженное перо, оставив для будущих поколений поток моего сознания, настороженно замерло в самый последний момент, уткнувшись острием в столешницу, и меленько затряслось.

– Аниса… – тихо, и это по-настоящему удивляло, позвала Тильда. – У меня тут закралось кое-какое сомнение. У Армаса в лекции ведь нет ругательств?

– А их вы тоже переписываете? – охнула я и сжала в кулаке немедленно встрепенувшееся перо. От прикосновения магия в нем на время задремала.

– Ну сначала они были вообще-то в тему, но тут такое образное словцо попалось…

– Пропусти, – сердито буркнула я.

– И следующее?

– Всё! Пропускайте всё, что не относится к высшей магии!

– Ладно, зачем так возмущаться? – резко развела она руками и немедленно снесла с подставки шар со светящимися мушками. Тот ослепительно вспыхнул.

Девчонки таращили глаза, как совы в ясный полдень, а во мне совершенно неожиданно проснулся инстинкт подавальщицы, готовой подхватить все, что было уронено, лишь бы оно не

разбилось. Знаете, тетка Надин, конечно, была мне родной, но за расколотые глиняные кружки вычитала медяшки из жалованья как у работника, нанятого с улицы. С рвением, явно достойным лучшего применения, например решения задач по «вышке», я попыталась поймать истерично мерцавший светильник… Но треклятая сфера, разбрызгивая в разные стороны яркие лучи, словно упругий мяч, отскочила от подставленных ладоней и отпрыгнула на пол.

Дзинь!

Стекло категорично раскололось на равные половинки, светляки погасли, а в воздухе завился печальный жиденький дымок. Как тут промолчать? Я выразила отношение к шару одним емким словом, самым хлестким в богатом словаре ругательств из восточных долин, и потерла глаза, чтобы погасить пляшущие звездочки.

Оцепенелые, с вытянутыми лицами подружки таращились на лекцию, словно узрели в ней нечто ужасное. Например, высшую магию. Но когда я глянула сама, желание ехидничать мгновенно пропало. Даже схватила лампу с соседнего стола, чтобы при свете проверить – не привиделось ли? Но нет, никаких галлюцинаций, хотя лучше бы случились именно они.

На верхнем листе, прорвав белую бумагу острым концом, поперек строчек Армаса выроненное перо вывело то самое залихватское ругательство, что сорвалось с моих уст. Оставалось неясным одно… Почему печатными буквами, демон дери высшую магию?! Чтобы магистр лучше рассмотрел?

Боясь открыть рот, я сжала в кулаке перо. Из-под пальцев брызнула вспышка. Магия, чувствительно ударив в ладонь, погасла. Теперь можно было схватиться за голову, но я разглядывала неприличное слово и не шевелилась. И ведь сама виновата! У кого-то все проблемы от большого ума, а у меня из-за длинного языка, который не удается своевременно прикусывать.

– Я знаю, как ее убрать. – Тильда указала пальцем на надпись.

– Как?

– Каучуковым ластиком!

– Чернила-то? – скептически изогнула я брови.

– Кхм… – глубокомысленно промычала она. На некоторое время мы погрузились в мрачное молчание. – Тогда, может, используем заклятье, которым папочкин секретарь стирает суммы в учетных книгах? Только не думайте о папочке плохо. В нашем королевстве такие налоги, что проще убрать лишние циферки.

– Но ты ведь пробовала что-нибудь стирать? – осторожно уточнила я.

– Ну… мы же ничего не теряем, – невпопад проговорила она. – В крайнем случае останется как есть.

С дурным предчувствием я следила, как она разминает пальцы, с самым серьезным видом укладывает ладонь на страницу и закатывает глаза. Вернее, прикрывает, но почему-то выглядело так, будто закатывает.

– Сотрись! – рявкнула Тильда на старомагическом языке.

Брызнула вспышка, нас дружно ослепившая. И наступила испуганная тишина. Когда мы коллективно проморгались, то обнаружили, что надпись никуда не делась.

– Не получилось, – пробормотала колдунья. Она взяла страницу и приблизила к глазам, чтобы рассмотреть во всех деталях. Видимо, надеясь, что какая-нибудь черточка побледнела…

– Что это? – с трудом шевеля языком, промычала я, узрев на втором листе нецензурное слово, нарисованное печатными буквами.

– Ой! – прокомментировала Тильда.

В животе вдруг стало по-сиротски холодно. Стараясь не впадать в панику, я схватила стопку и начала лихорадочно перебирать страницы. К сожалению, пришло время не просто паниковать, а биться в истерике! На каждом листе – демон меня дери! – точно издеваясь, литера в литеру отпечаталось ругательство.

– Все-таки не дается мне высшая магия… – пробормотала подружка, явно озадаченная результатом. – Я даже правильное слово в кои веки сказала.

Мне тоже хотелось что-нибудь сказать, и много, но куда-то подевался дар речи.

– Ты ведь сможешь заговорить перо на почерк Армаса? – осторожно спросила она.

Я обреченно покачала головой.

– Мы перепишем набело, и ты отдашь ее без этой… кхм… позорной метки! – выдвинула Тильда новый план, не включавший ничего, кроме трудовой магии, когда корпишь над лекцией, не поднимая головы и не откладывая обычных, а не заговоренных перьев.

– Я точно попаду в опальный список, – угрюмо резюмировала я.

– Ну на общей магии, говорят, легче учиться и квесты не заставляют проходить, – заметила Матильда, но под гнетом гневного взгляда оговорилась: – Да я так… к слову. Поделим лекцию на части?

– Ой, девочки, я вспомнила, что у меня дела, – тихонечко поднялась из-за стола Марлис, аккуратненько стуча стопочкой своих листиков с опрятными записями. – Я побежала, да?

Мы не нашлись что возразить. Она же не сыпала ругательствами на весь зал и не пыталась криво колдовать. По идее расплачиваться не должна, но все равно как-то обидно. А как же командный дух? Где женская солидарность?!

– Ну пока.

– Слабачка, – буркнула Матильда, провожая девчонку презрительным взглядом.

Через час стало ясно, что новая подружка тоже не сильна командным духом. Вернее, может, и сильна, но безудержный сон не позволял его проявлять. Сначала она широко зевала, потом терла глаза, сдвигая очки, и в конечном итоге принялась клевать носом. Когда голова оказалась тяжелее желания поддержать товарища по несчастью, особенно учитывая, что немалая часть этого самого «несчастья» лежала и на ее совести, Тильда бухнулась лбом в стол. Раздался глухой стук. Думала, проснется, но не тут-то было! Она счастливо всхрапнула.

– Матильда, – позвала я, мечтая следом за подружкой улечься на конспекты и сладко подремать хотя бы полчасика. Если бы не боялась проспать всю ночь напролет, любовно прижимаясь щекой к лекции Армаса, так и поступила бы.

– Я не сплю! – Тильда резко выпрямилась, поправила скособоченные очки и, подвывая, широко зевнула.

– Иди, – отослала я подружку, с трудом сдерживая ответный зевок.

– А ты?

– Допишу сама.

В общем, с командным духом у нас всех имелись явные проблемы. Я осталась корпеть над копией в гордом одиночестве. Время незаметно приближалось к одиннадцати вечера, а в полночь жилое крыло закрывали. Пришлось поторопиться, чтобы не остаться ночевать в продуваемом всеми замковыми сквозняками зале. Страницы лекции радовали глаз потрясающей воображение кривизной и неопрятностью. К последнему второпях решенному уравнению меня окончательно покинуло желание доказывать Армасу необъятную любовь к высшей магии, тем более что я сама уже не была в ней уверена.

В жилое крыло влетела за десять минут до того, как смотритель запер двери. Комнатки в общежитии были маленькими, в них едва-едва помещался минимум мебели, зато селили по одному, что с лихвой, по моему мнению, окупало тесноту. Не надо ни под кого подстраиваться, смиряться с чужой привычкой разбрасывать вещи или до хрипоты в голосе делить полки в стенной нише, заменявшей в комнатах шкаф.

Из-за тетки-скупердяйки, не захотевшей оплатить билет подороже, я появилась в академии перед самым началом занятий, когда этаж уже заселили, и оказалась сосланной в конец коридора, в дальнюю каморку за поворотом (и это не фигура речи). Не комната, а обитель отшельника, ей-богу! Наверняка еще в прошлом году здесь находился хозяйственный чулан.

Рядом с дверью не было светильника, а на самой двери – номера. Смотритель, конечно, пообещал позаботиться, но пока из стены удручающе торчал пустой крюк, а каморка оставалась неподсчитанной, словно новую жиличку мысленно относили к общежитскому инвентарю. Не удивлюсь, если каким-нибудь ясным утречком они придут с кастеляном и попытаются меня посчитать, как метлу или тумбочку.

На женской половине было безлюдно. Тетка Надин, считавшая общежитие рассадником разврата, упала бы в обморок от разочарования. Она предполагала, что народ в академии не спал сутками и устраивал безудержные гулянки, наплевав на правила, а тут благопристойная тишина, словно в пансионе благородных девиц! Даже слышно, как в купальне из плохо завернутого крана в каменную раковину звонко капает вода.

Я пересекла длинный коридор и, до хруста в челюсти зевая, завернула в свой темный угол. Первое, что бросилось в глаза, – нет, не долгожданный светильник, – висящая на дверной ручке матерчатая торба. На поверку оказалось, что внутри лежали небрежно свернутые черные брюки и свитер Илая Форстада. Белобрысый придурок действительно предлагал постирать ему одежду! Хорошо туфли не запихнул.

– Да ты шутишь, принцесса! – не веря собственным глазам, пробормотала я.

Если он хотел поиздеваться, то, надеюсь, в полной мере осознавал, что никогда не вернет вещи целенькими – только по частям. В лучшем случае. Одежду можно было сжечь, а если станет лень искать место для ритуального костра, то отдать привратнику. Крепко пьющему мужичку явно не помешает парочка дорогих шмоток, и вряд ли его смутит некоторая запыленность подарка. Или испортить заклятьем клейкости! Белобрысый придурок натянет штанишки, а обратно – только отдирать кусками. Глядишь, кое-какие лоскуты пристанут к телу намертво. Замечательно пакостная магия! Когда еще появится повод испытать в деле?

В общем, от открывшихся перспектив голова шла кругом, и в итоге случился паралич фантазии. Решив, что завтра на свежую голову подумаю, как распорядиться щедро предоставленной возможностью, я ввалилась в комнату. Дверь ребром стукнулась об открытый дорожный сундук, по-прежнему перегораживающий проход. За два суматошных дня после приезда у меня не хватило времени нормально разложиться. Разве что учебники расставила на полке в стенной нише, но книги, в отличие от одежды, я всегда причисляла к разряду святого.

Желание завалиться на кровать победило трудовой запал на полпути к магической лампе, стоящей на широком подоконнике. Вещи прекрасно полежат в сундуке до завтра (благословите боги того, кто придумал расселять адептов в отдельные комнаты). Не зажигая света, я пристроила папку на полку в стенной нише и бухнулась на жесткую узкую койку. Снимала туфли и отстегивала от пояса кожаный кошель уже с закрытыми глазами. Последняя мысль, посетившая меня прежде, чем сознание накрыл сон, что надо бы сходить в купальню. Или хотя бы стянуть платье…

Под дверью кто-то шуршал и очень подозрительно скребся. Несмотря на нечеловеческую усталость, от шорохов я проснулась. Комната была погружена в темноту – ни скупой луны, ни проблеска фонаря за окном, только тонкая яркая полоска света под дверью. Я приподнялась на кровати и прислушалась, но в коридоре наступила зловещая тишина. Может, конечно, измученный совестью и бессонницей смотритель далеко за полночь надумал повесить обещанную лампу, но здравый смысл подсказывал, что мне следовало придержать буйную фантазию. Вряд ли он знал значение слова «совесть» и бессонницей не мучился, а наслаждался в компании какой-нибудь дивной настойки собственного изготовления.

В тишине тревожно звякнул о каменный пол выбитый из замочной скважины ключ. Я резко села на кровати и замерла от неожиданности. Божечки, никак вломиться решили?!

На церемонии принятия в адепты народ шептался, что старшекурсники обязательно устраивали первогодкам какие-нибудь каверзы. Не то чтобы я всерьез думала, будто какой-нибудь кретин доберется до закутка, но мало ли… Наплевав на запрет огораживать комнаты

магией, я наложила на ручку звуковое заклятье. Если бы кто-нибудь попытался проникнуть в каморку, то женский визг, достойный Матильды Юри, поднял бы на ноги половину жилого крыла. Ночь прошла спокойно, я утеряла бдительность и забыла опечататься, а голубчики явились не запылились разыгрывать. Даже обидно!

Судя по звукам, с другой стороны двери топталось не «мало ли», а очень даже «много ли». Я напряженно слушала, решая, как поступить. Конечно, пока оно не предпринимало активных попыток взломать замок, пусть бы и топталось. Я не жадная, а закуток все-таки общий. Не хотят спать – знамя академии им в руки, перо в зад и попутный ветер в спину. Пока не шумят, остаются нетронутыми. Но сохранять тишину, как предписывали хороший тон, правила проживания в общаге и инстинкт самосохранения, ночные гости не планировали.

– Там темно, как в могиле, – объявили снаружи, ничегошеньки не рассмотрев в замочную скважину.

– А что ты хотел? – не таясь, ответили ему. – Это же обитель тьмы!

Терпение лопнуло! В потемках я нащупала ногами обувь и кое-как натянула, сначала перепутав левую и правую туфлю. Только разобралась с непорядком и сделала шаг к двери, как по ее центру, обозначив ровный большой круг, пробежала яркая искра. Мгновением позже появилась сквозная ровная дыра со светящимися краями. Из коридора, подсвечивая лампой, с суеверным страхом и одинаково вытянутыми лицами на меня вытаращились четверо парней.

Некоторое время, обалдевшие от неожиданной встречи, мы молчали. Кому-то следовало начать диалог.

– Так, – глубокомысленно произнесла я и уперла руки в бока.

– Мать моя женщина, она шевелится! – тоненько взвизгнул квартет и дружно отпрянул от двери.

– А вы здесь неподвижное тело рассчитывали обнаружить? – сквозь зубы процедила я. – Зачем дверь испортили, бесстрашные?

– Ты кто? – мелко моргая, спросил у меня один.

– Ведьма темной башни, блин! – рявкнула я. – Мне интересно, кто вы?

– Мы братья, – проскулил он, но смущенно покосился на парней и исправился: – Ну… будущие братья.

– Ох, будущие братья? – издевательски протянула я. – Это, конечно, многое объясняет.

Я вдруг почувствовала почти непреодолимое желание кого-нибудь укокошить. Просто так, ради разрядки после тяжелого дня и профилактики мужского идиотизма у некоторых представителей этого пола, сейчас выглядывающих из окна в моей двери! Да они вообще в курсе, какой штраф прописан в правилах за порчу общежитского имущества?!

– И что вам надо в моей комнате, будущие братья? – все пуще злилась я.

Парни переглянулись. Один громким шепотом спросил у приятелей:

– Я что-то не пойму, это загадка? Мы должны кодовое слово сказать, чтобы она дала новое задание?

Божечки, что эти чудные люди ели на ужин, если так задорно бредят? Не зря мне гарнир показался странным на вкус. Хорошо, что не налегала! Сейчас бы тоже поймала какую-нибудь забавную галлюцинацию, начала бродить по коридорам и нести бред под чужими лично испорченными дверьми.

– Ведьма, может, уже дашь подсказку? – Тот, что был поплечистее остальных, посмел сунуться поближе к дыре. – Честное слово, мы за последние два часа всю общагу облазили, пока поняли, где находится эта твоя темная башня с ключом от дверей братства.

– Какое еще братство, юродивый? – тихо переспросила я. Похоже, с разгадками головоломок у парней имелись большие проблемы. Не знаю, куда они рассчитывали на самом деле добраться, но что-то пошло не так, и путь свернул. А где-то их ждет ключ и страдает.

– Мужское братство «Хранители академии», само собой, – осмелев, поддакнул самый мелкий из квартета.

– Само собой, – согласилась вкрадчиво.

Видимо, мой тон подсказал, что ведьма темной башни настолько раздражена, что сейчас начнет сыпать проклятьями. Мало никому не покажется. Возможно, даже самой ведьме, а дверь уж точно не устоит…

– Ты нам просто скажи, что делать, и мы пойдем, а то от ваших ребусов уже тошнит, – пообещал здоровяк, видимо, выступавший в компашке за главного.

Я была готова послать будущих братьев куда подальше, в смысле дальше шнырять по замку и искать подсказки, но от пришедшей в голову идеи едва не подпрыгнула на месте.

– Задание без ребусов, значит? Ладно.

– Правда? – оживились парни.

– Ага. Один момент…

С недоумением они следили, как я просовываю в дыру матерчатую торбу с одеждой.

– Там лежат штаны и свитер. Повесьте их вместо академического знамени.

– На центральной площади? – испугались претенденты в братья. – Как?

– Ну извернитесь как-нибудь. Задание не я придумывала, – соврала, не дернув глазом. – И кстати, на брюках напишите «штанишки столичной принцессы». Все ясно? Тогда действуйте. Удачи, будущие братья!

– Нет, ясно-то, конечно, все, но чем написать? – последовал очередной вопрос с заметной ноткой истерики.

– Слушайте, это квест! Я вам вообще все должна рассказывать? Краску белую найдите в обители художественного монстра, – на ходу сочинила я.

– Что еще за обитель? – толкнул один «брат» другого локтем в бок.

– Да в чулане на шестом этаже смотритель побелку хранит, – пробормотал тот в ответ.

– А магией можно? – спросил тихонечко самый молчаливый. Видимо, из квартета он лучше всех колдовал.

– Да хоть высшей! – фыркнула я.

– Спасибо тебе, ведьма темной башни, – благодарно кивнул здоровяк, заглядывая в сумку.

– Не за что, – махнула я рукой. – И кусок двери мне верните. Иначе прокляну.

– Чем? – переполошились парни.

– Штрафом от смотрителя.

Под моим придирчивым взглядом по краю круга пробежала искра, и из воздуха соткалась исчезнувшая часть двери. Комната вновь погрузилась в темноту. Наступил долгожданный покой.

– Божечки, цирк свернули, а клоунов забрать забыли, – покачала я головой и начала стягивать платье. Раз уж все равно разбудили изверги, так неплохо бы переодеться в теплую ночную сорочку, а то к середине ночи комната заметно остыла. Недолго с утра проснуться не только разбитой, но и бесповоротно простуженной.

Неожиданно раздался осторожный стук. Я замерла на секунду и, пока в двери снова не появилось окно, с молниеносной скоростью принялась натягивать платье обратно. Естественно, волосы зацепились за пуговицы, а дорожный сундук подло подставил под коленку окованный угол.

– Ведьма темной башни, ты здесь? – жалобно позвали из коридора.

Нет, проклятие! На метле в другую академию улетела!

– Да что вам еще?! – взвыла я, не понимая, что сделать первым: распутать волосы или потереть ушибленную ногу.

– Мы тут с парнями… в смысле братьями посовещались. И это… может, флагшток на полигоне для состязаний подойдет?

Да какая разница? Главное, чтобы штанишки столичной принцессы красиво реяли на ветру. Хотя если будут просто уныло свисать, как грязная тряпка, меня тоже вполне устроит.

– Благословляю! – прикрикнула я и добавила едва слышно: – Демон вас всех раздери.

Утро пришло поразительно быстро, отвратительно рано и выдалось неприятно дождливым. В комнате царили грязно-серые сумерки, по оконному стеклу змеились дорожки воды и на подоконник натекли холодные лужицы. С наступлением дурной погоды в замке враз похолодало. В купальне, где стоял запах тяжелой влажности, и вовсе хотелось закутаться в одеяло.

Закрывшись в кабинке, я досчитала до пяти, шустро скинула одежду и повесила на гвоздик. Охапка немедленно упала на каменный пол. Пришлось, сжав зубы, зацепить заново. И так три раза. Почти зарядка для ленивых, зато согрелась. Справившись с непослушными шмотками, я повернула кран, готовая к водопаду, но из лейки в стене потек скудный ручеек воды, назвать горячей которую можно было с большой натяжкой. Пикантная прохлада придавала мытью проворности и выбивала из сознания остатки дремы. Наскоро вытершись, я натянула на влажное тело платье. От холода зуб на зуб не попадал.

Общежитие еще досматривало последние сны. Без спешки я постирала мантию и кое-какую одежду, повесила на перекладины в сушильный шкаф с поддоном на дне и круглыми отверстиями в деревянных стенках, через которые с помощью магии дул горячий воздух. Вообще, для адептов в хозяйственном крыле имелась прачечная, но она стоила четверть сорима за стирку, а денег у меня было в обрез. Да и обслуживать себя я была приучена с детства. У тетки Надин особенно не забалуешься. Хочешь кашу, а не остатки вчерашнего жирного рагу из таверны, – свари, желаешь опрятное платье – постирай и погладь.

Когда в младшей школе у нас начались уроки по бытовой магии, первым делом я освоила заклятье немнущейся ткани. По какой-то мне совершенно непонятной причине его считают несерьезным и детским, но оно нечеловечески облегчает взрослую жизнь! По сей день активно пользуюсь и при случае всем советую.

Пока я разбиралась с вещами и сушила полотенцем волосы, этаж начал неохотно просыпаться. В коридоре заскрипели двери, в купальню потянулись сонные девицы разной степени растрепанности и окоченелости.

– Они обязаны пробудить в стенах живое тепло! Иначе мы все переселимся в лечебницу, – ворчала одна, зябко ежась перед каменной раковиной и пальчиком проверяя не обмораживает ли вода из крана.

– Ага, жди! – недовольно отозвалась другая. – Забыла, что в прошлом году дотянули до первых заморозков?

Купальню заполнял народ. Я вытащила из шкафа охапку еще сыроватой одежды, подхватила позвякивающую корзинку с косметическими флаконами и ретировалась в комнату, немедленно превращенную в сушильную.

До начала занятий оставалось достаточно времени, но на поклон к Армасу решила идти после завтрака, чтобы не портить аппетит. Всегда считала, что переживать даже десять минут нестерпимого позора лучше на сытый желудок. Иначе магистр отобьет аппетит этой своей невыносимой иронией, и я начну давиться куском булки, рыдая в похлебку.

Крепко прижимая к груди папку с лекцией, в самом мрачном настроении я спускалась по лестнице в холл. От мысленной проникновенной речи, почему записи Армаса обрели свежий вид, меня отвлекло шумное столпотворение между этажами. Народ теснился возле большого окна и над чем-то откровенно потешался.

– Что происходит? – остановила я парня, выбравшегося из толкучки.

– Штаны пытаются снять, – хмыкнул он.

Штаны?! «Братья» действительно сумели выполнить задание ведьмы из темной башни? О-бал-деть! Какие талантливые ребята попались!

Встав на цыпочки, я попыталась разглядеть, что там, в окне, происходит. Из него открывался прекрасный вид на учебный полигон, представлявший собой огороженную просторную площадку с полосой препятствий и размякшей от дождя глинистой дорожкой для бега. На вершине длинного флагштока сурово, словно раздвоенный указатель, торчали одеревеневшие черные брюки. На каждой штанине ярко светились нанесенные побелкой и зачарованные магией подписи: «штанишки прынцессы».

С чувством юмора у будущих «братьев» явно был полный порядок!

Под флагштоком, поскальзываясь в грязи, вытанцовывали кастелян и незнакомый преподаватель, одетые в непромокаемые плащи. Они задирали головы, поспешно поправляли капюшоны и оба бесились. Понятия не имею, как парни приделали штаны, но те сдаваться и спускаться вниз не желали.

Кастелян схватился за шест и принялся его истерично трясти. Штанишки болтались туда-сюда, но позиций не сдавали, по-прежнему окаменело топорщились, являя миру издевательскую надпись. Жестом преподаватель отодвинул старика в сторону, сам отошел на шаг и сложил руки. Между ладоней засветился голубоватый шар… Хозяйственник принялся что-то высказывать, поди, пытался отговорить напарника от запуска боевого заклятья во флагшток, но маг оказался непреклонен. Видимо, он настроился на решительную борьбу с неподатливой одеждой.

– Спорим на сорим, что, как всегда, промахнется, – начали делать ставки ребята рядом.

Шар молниеносно сорвался с преподавательских ладоней и, разгоняя влажную завесу, вонзился в цель. Раскоряченные брюки охватило синее пламя, и в мгновение ока они превратились в черный пепел, немедленно прибитый дождем к земле.

– Ничего себе, Косоглазый попал! – закудахтали парни.

Ладно, кому я вру? Они сыпали издевательскими шуточками, в которых печатными были только междометья и предлоги, но со вчерашнего вечера я дала строгий зарок не произносить даже детских ругательств, поэтому не хочу передавать непередаваемое.

В самых смелых фантазиях я не придумала бы столь издевательской кончины штанов. Мало того что они торжественно светились вместо флага на радость всей академии, так еще и подверглись казни через сожжение. В общем, месть белобрысому придурку свершилась, а мне даже палец о палец не пришлось ударить! Надеюсь, что Форстад стоял в толпе возле какого-нибудь другого окна, следил, как одежда превращается в прах, и пускал скупую мужскую слезу, пусть у столичных прынцесс ничего мужского-то и не имелось. Ну кроме того отличительного признака, которым природа по ошибке их награждала.

А напарники между тем недоуменно таращились вверх, прикладывая ко лбам ладони, чтобы дождь не заливал в глаза, и словно бы молились низкому тяжелому небу… Только они развернулись, чтобы с видом усталых победителей спрятаться под крышей, как флагшток без предупредительного покачивания сам собой плашмя рухнул на землю, подняв фонтан грязных брызг. Под издевательский гогот адептов незадачливые напарники бросились обратно восстанавливать шест, в нормальные дни державший гордость магической академии – флаг.

Досматривать, чем закончилось дело, я не стала. Наверняка теперь по всему замку начнут искать вандалов, подвесивших штаны, но сомневаюсь, чтобы братья академических обществ выдавали своих. Скорее всего дело быстренько замнут, поставят новый флагшток, а свежее знамя заколдуют, чтобы ни одна адептская сволочь не покушалась на святое и не заставляла основателей Дартмурта переворачиваться в гробах.

В столовой, как и следовало ожидать, царило нехарактерное для раннего завтрака оживление. Адепты вовсю обсуждали инцидент со флагштоком. Над головами, оставляя золотистый магический след, мельтешили крошечные бумажные птички-записки.

– Аниса! – громко позвала меня Матильда, когда я замерла с подносом в руках, пытаясь найти свободное место. Она сидела за столом в углу зала и махала мне рукой.

– Тебя искал Форстад, – прозвучало торжественное объявление, стоило устроиться напротив подружки.

– Меня? – изобразила я фальшивое удивление. – Зачем?

Тильда, конечно, не догадывалась, что мы со столичной принцессой вели непримиримую тайную войну, и затараторила этим своим пронзительным голосом:

– Может, конспект по вышке хотел? Влетел в столовую и так мрачно: «Где она?!» А пока я пыталась понять, кто «она», развернулся и ушел. – Девушка кивнула в сторону широкой каменной арки. – Вы с ним в дверях разминулись. Кстати, ты это… лекцию дописала?

– Ага, дописала. – Приподнятое настроение при мысли о магистре Армасе моментально ухнуло ближе к уровню подземелья.

– Хочешь, я с тобой схожу? – осторожно предложила Тильда, хотя по лицу было видно, что она лучше заберется на флагшток под дождем и изобразит знамя Дартмурта, чем с утра пораньше появится в логове тирана.

Поймать болтушку на слове я не успела – перед лицом запорхала бумажная птичка, рассыпая с крыльев золотую пыльцу, на мгновение зависла перед носом и плюхнулась в тарелку с кашей. Осторожно двумя пальцами я вытащила записку и огляделась по сторонам, пытаясь понять, не ошибся ли кто-нибудь с адресатом. Кому надо отправлять мне записки? Может, конечно, Форстад решил вызвать на разговор?

Мудрено сложенное послание удалось развернуть не сразу.

«Происками конкурентов мы перепутали этажи и провалили квест, но штаны принцессы нас спасли! Мир и покой темной башне, ведьма!»

Едва успела прочитать, как чернила побледнели и строчки испарились. В руках остался бесполезный клочок, хоть вместо салфетки используй. Я поймала себя на том, что ухмыляюсь. Похоже, с магией, как и с юмором, у «братьев» тоже был полный порядок. Таких в мужское общество надо брать с руками и ногами, без заговоренных штанов на полигоне.

– Кто пишет? – Матильда с разочарованием обнаружила, что на стол легла пустая бумажка.

– Да так.

Я принялась есть вязкую кашу, приправленную маслом и медом. На вкус было отвратительно. На пятой ложке запал закончился, а волнение все-таки победило. Бесполезно оттягивать неизбежные минуты унижения, лекцию все равно придется возвращать.

– Ты со мной идешь к Армасу? – поднялась я из-за стола.

– Иду-иду… – нервно пробормотала Тильда. – Только в уборную сбегаю.

Зачем ей резко понадобилось в дамскую комнату, я предпочла не узнавать и махнула рукой:

– Ладно, завтракай.

– Расскажи потом, как все прошло! – крикнула она мне в спину.

С замирающим сердцем я робко постучалась в дверь с именной табличкой и заглянула в приемную. За секретарским столом сидел худой бледный парень с натянутыми до локтей черными нарукавниками и с измученным видом перематывал полоской перевязочной ленты палец. Последний из десяти, который еще оставался незамотанным.

Похоже, хищная рейнсверская мухоловка, разевающая игольчатые пасти, лопала не только комариков, но и изредка пыталась закусить бедным помощником, однако двуногая добыча пока ей была не по зубам. Какое счастье, что плотоядные цветы просто сидели в горшках и не умели передвигаться. Бр-р! Как представлю, поежиться хочется.

– Доброе утро, – тихо позвала я.

– Угу, доброе, – буркнул он.

Погрызенные пальцы у бедняги, видимо, нещадно болели, и он жаждал кого-нибудь с утречка пораньше покусать, как рейнсверский травяной хищник. В переносном смысле, конечно. Впрочем, я так сильно нервничала, что отдалась бы на растерзание без особенного сопротивления, лишь бы к Армасу не ходить.

А что? Уважительная причина, почему лекции не вернулись: в приемной посыльную загрыз преподавательский помощник! Задорно звучит. Может, даже в академическом газетном листке напечатают.

– Я тут магистру принесла… – с затаенной надеждой, что Армас еще не появился, помахала я папкой, но подручный мрачно кивнул:

– У себя.

– Ага…

– Только постучись, – проворчал он и начал с большим аппетитом, словно не завтракал, пытаться зубами отодрать нитку, торчащую на перевязанном большом пальце.

Постучалась. Дождалась, когда в кабинете прозвучит приглушенный голос Армаса:

– Войдите.

Приоткрыв дверь, я неслышно проникла в кабинет. На столе горела магическая лампа, мягкий желтоватый свет деликатно озарял документы и раскрытые фолианты. Магистр, как всегда, что-то быстро писал, сверяясь с книгой, а в воздухе неспешно и важно вращалась полупрозрачная сфера, внутри которой поблескивал странный знак, напоминавший лабиринт. В жизни ничего подобного не видела! Точно высшая магия, без преувеличений. Мне до такой еще лет десять, а то и больше, учиться.

– Я хотела вернуть лекцию. – Голос прозвучал ужасно слабо и даже жалобно.

Армас мазнул по мне пустым холодным взглядом, словно не мог вспомнить ни меня, ни лекцию, о которой шла речь.

– Хорошо.

Все! Пришел час расплаты!

– Магистр Армас, вчера, когда я работала с материалом… кхм… эм-м…

Я вдруг поймала себя на том, что, как маленькая, ковыряю носом туфли паркетный пол и, мысленно ужаснувшись, моментально замерла.

– В общем, произошел один неприятный инцидент! – вздохнула я. В этом месте следовало начать исповедь, полную боли, страданий и моральных метаний, но от нервов в голове варилась вязкая каша похлеще той, что кормили на завтрак, и прочувственная речь забылась.

– Ясно, – сухо отозвался магистр.

– Мне пришлось чуточку поработать над вашими записями.

– Я понял. – В тоне Армаса прозвучало раздражение. – Все?

– Да! Совершенно точно все! – встрепенулась я, быстро оставила папку на столе и, больше не произнеся ни слова, слиняла из кабинета.

Божечки, надо же быть такой непонятливой! Он же занят и плевать хотел с хозяйственной башни Дартмурта на ученические грехи адепток. Может, мне вообще повезет и магистр не развяжет ленты папки до следующего учебного года, когда на пытки ему дадут новых первогодок?

С Илаем Форстадом мы встретились в коридоре: заприметили друг друга издалека и начали неуклонно сближаться. Должна признать, что выглядел он неплохо, особенно для человека, пережившего казнь собственных штанов. Лощеный, одетый по последней столичной моде, одна рука в кармане, волосы забраны под тонкий ободок. На фоне белобрысого придурка любая девушка из восточных долин выглядела простушкой, даже дочь губернатора, а она, между прочим, тоже не пальцем рисована – в Эртонии училась. По слухам, за счет королевской казны.

Эпохальное столкновение, если верить латунной табличке на двери, произошло напротив кабинета философии. Спорим, сейчас все решили, будто мы замерли на расстоянии трех шагов, окатили друг друга тяжелыми взглядами и немедленно назначили магическую дуэль во второй половине дня. Прямо тут же, у всех на виду.

Да ничего подобного!

Я вообще не собиралась останавливаться и терять время на разъяренных прынцесс. С чего бы? До начала занятий надо было успеть зайти в общежитие за мантией и учебниками. В отличие от сыновей высокопоставленных магов стипендианткам из простых смертных опозданий не прощают. Фамилия Эден уже венчала опальный список Армаса, не хватало разозлить профессора по истории королевства. Два черных списка в первую учебную декаду – это лишка! Но Форстад серьезно надумал поругаться и преградил дорогу, притворившись передвижным штакетником. Шагнула вправо – он переместился вправо, попыталась обойти его слева – немедленно подвинулся влево. Этакий смешной танец маленьких утят. И нет, мы не крякали.

– Что? – потеряла терпение я.

– Попалась, – тихо произнес он.

– Да я и не убегала.

– А стоило бы, – отозвался Илай и совершил немыслимую вещь: крепко сжал мое запястье. Из-под его пальцев брызнула вспышка света от невидимого знака Дартмурта на руке.

– Ты берега не попутал, ушибленный?! – От удивления я забыла, что надо отдавить нахалу каблуком туфлю, чтобы в следующий раз хорошо подумал, прежде чем бесцеремонно хватать девушек и тревожить магические метки.

– Выйдем, – коротко объявил он.

– Куда? – вырвался у меня смешок. – В окно?

– Только после тебя!

Он ловко завел меня в аудиторию философии – большой светлый зал с преподавательской кафедрой, восходящими рядами деревянных столов и длинными занавесями на окнах. Со стен на нас с немым укором смотрели портреты магов, придумавших и записавших законы мироустройства. И теперь Форстад действительно замер в трех шагах, словно намеревался бросить вызов на магическую дуэль.

– Полагаешь, что это забавно? – произнес он.

– То, что ты затащил меня в пустую аудиторию? – Я нарочито обвела просторное помещение выразительным взглядом. – Ну так себе шутка.

– Не делай вид, что не понимаешь, – мягко, отчего стало чуточку не по себе, улыбнулся он. – Ты повесила их на флагшток?

– Боюсь уточнять, но что именно ты имеешь в виду под «их»?

– Брюки.

– Так это были твои брюки?! – фальшиво охнула я. – С ума сойти, как они там оказались?

– Не знаю, как ты это провернула, – словно не услышав меня, обманчиво-вкрадчивым голосом проговорил Форстад, – но все утро пытаюсь понять: бешусь или восхищаюсь.

– Ты меня, что ли, обвиняешь? Исходя из чего?

С мрачной усмешкой, нарочито глядя себе под ноги, Илай начал приближаться. Один шаг, второй. Расстояние между нами уменьшилось настолько, что я могла почувствовать едва заметный цитрусовый запах одеколона. Мужчины часто проворачивали подобный финт – пытались испугать девушку за счет физического преимущества. Форстад действительно превосходил меня ростом, весом и, подозреваю, силой магии, но меня звали бы не Анисой Эден, если бы я попятилась. Он поднял голову и посмотрел мне в лицо.

– Как у тебя с памятью, провинция?

– С утра не жаловалась, – кивнула я.

– Значит, сумку на двери должна помнить.

– Но сумку не припомню, – изобразила я искреннее недоумение. – Ты уверен, что не ошибся с дверью? Просто, понимаешь… оставить сумку с одеждой, одну, посреди общаги? Да ты рисковый парень. Надеюсь, в карманах денег не было?

– В ней еще лежал свитер, – напомнил он.

– Ты весь гардероб, что ли, в сумку запихнул?

Он усмехнулся:

– А у тебя железные нервы, провинция.

– Нервы обычные, – дернула я плечом. – И у меня назрел вопрос…

Копируя противника, я сделала к нему шаг и практически уткнулась в грудь. Форстад стоял, как монолитная стена, не шелохнувшись.

– Ты, выходит, перепутал мою комнату с прачечной и отбортовал грязные тряпки?

– Я не путал, – спокойно опроверг он.

– Ты точно бессмертный!

Вообще это была ужасно занимательная игра, в жизни так не развлекалась! Мы оба знали, что штаны оказались на погребальном костре с моей подачи, но доказать Илай ничего не мог, а я признаваться не планировала. Разве что в помутнении рассудка или под действием запрещенного зелья правды, но вряд ли принцесса решит пойти на преступление только ради того, чтобы доказать виновность раздражающей девицы.

Некоторое время он молчал, рассматривал меня сверху вниз, а потом тихо произнес:

– Не в моих правилах воевать с девушками, провинция, или грозить им…

– Так не грози, – дернула я плечом. – Зачем поступаться жизненными принципами ради подавальщицы из затрапезной таверны?

– Как же ты меня бесишь! – пробормотал он, словно не верил, что попал в нелепую ситуацию, когда не сумел прижать к стене девчонку. Фигурально выражаясь, конечно.

– Ты меня тоже! И что? – фыркнула я. – Слушай, Форстад, странный у нас разговор выходит: ни о чем. Может, давай закончим и разбежимся, а то скоро занятия начинаются, а мне еще в общагу надо завернуть. Ну что? До встречи на лекции по истории.

Я похлопала его по плечу, сделав вид, будто не заметила, каким тяжелым, почти осязаемым взглядом он проследил за моей рукой и как на его холеном, по-особенному выразительном лице столь же выразительно заходили желваки. В общем, на реакцию любо-дорого посмотреть.

– Целую, принцесса! – мило улыбнулась я и, прежде чем Илай успел ответить, улизнула из аудитории.

Народу в коридоре прибавилось. Адепты уже облачились в мантии, вооружились учебниками и торопились в нужные кабинеты. Боясь опоздать к началу лекции, я прибавила скорости. Сбежала по лестнице в главный холл замка, но тут услышала, как меня окликнули:

– Эден!

С ума сойти! Неужели я заслужила честь зваться по имени? Невольно оглянулась и буквально в нескольких шагах обнаружила Форстада.

– Что еще?

Все случилось быстро и сумбурно. Он налетел, сжал мое лицо большими теплыми ладонями.

– Привет, – пробормотал он с шальной улыбкой.

В голову пришла мысль, что пора волноваться, но ничего предпринять я уже не успела. Форстад меня поцеловал при целой толпе адептов! Быстро, жестко, с открытыми глазами.

Кто-то одобрительно засвистел. С балкона рукоплескали два придурковатых приятеля Илая, с которыми у нас совпадали занятия по высшей магии.

– Ты что творишь?! – оттолкнула я его.

– Возвращаю поцелуй. – На губах парня играла усмешка, но в глазах плескалась ярость.

– Тебе явно не мешает подучиться, – процедила я и, стараясь его задеть, с показной брезгливостью вытерла горящие губы ладонью. Правда, рука предательски дрожала.

– Я просто не старался, – высокомерно заявил он.

Народ оборачивался с веселым любопытством, а в нашу сторону прорывался возмущенный кастелян, вопя, мол, молодежь совсем приличий не знает, превратили академию в публичный дом с цирком шапито на заднем дворе: то штаны вешают на флагшток, то лобзаются посреди холла. Только опасность, что меня вместо учебной аудитории опять будет ждать пыльный архив, спасла Форстада от магической драки.

Смиряя желание вцепиться в нахальную физиономию, я развернулась к Илаю спиной и начала поспешно удаляться к переходу в жилое крыло. Смотреть по сторонам было стыдно – таращилась в пол, словно ужасно заинтересовалась расцветкой плиток. В горле стоял горький комок, на глазах закипали злые слезы. Я старалась дышать через нос и даже краем взлохмаченного сознания удивлялась, почему из ноздрей не идет пар, будто у взбешенного рейнсверского дракона.

Как вышло, что самый первый в моей жизни поцелуй с мужчиной достался не принцу на белом крылатом коне, а белобрысому придурку без коня и крыльев, но с огромным самомнением? Ненавижу!

Глава 3
Синдром ведьмы

Дни стояли теплые и сухие. Небо над академией было чистым, высоким, а солнце ласковым. Осень щедрыми мазками раскрашивала окрестности в золотистые, багровые, красноватые оттенки – глаза разбегались от буйства красок. Ветер гонял по главной площади Дартмурта опавшие листья, а преподаватель по боевой магии Гариф гонял по полигону нас. Нещадно, без жалости.

Пока мы носились, словно взбесившиеся пони, магистр стоял в сторонке и для острастки перебрасывал из руки в руку пульсар, словно безобидный мяч. Один раз энергетический шар выпал и завис в воздухе на уровне пояса. Гариф отшатнулся, прикрыв причинное место, но тут же сжал пульсар ладонями и потушил. Он огляделся, проверяя, не заметил ли кто оплошности, и немедленно сорвал злость на субтильном Ботанике, которого невзлюбил с первого занятия и шпынял по любому поводу:

– Квинстад, не ковылять, а бегать! Или нужен стимул?

От шара он, конечно, избавился, но вполне мог метнуть какую-нибудь молнию, и мы с девчонками, не сговариваясь, прибавили скорости, хотя лично у меня горело в груди, в висках стучала кровь, а в глазах темнело. За две учебные декады я пробежала миль больше, чем за всю жизнь. Всегда предпочитала по улицам ходить, а не носиться с выпученными глазами и не испытывала по этому поводу никаких комплексов. А тут – каждый третий день тренировки с обязательной отработкой бега по кругу. Готова поспорить, расписание составлял тиран Армас, горящий идеей естественного отбора адептов-первогодок.

– Одно радует, – прохрипела Тильда, – если я издохну на полигоне, папочка засудит и Косоглазого, и академию.

– Эден, Юри и ты, третья, как там тебя зовут! – Магистр всегда забывал имена миниатюрных девушек, Марлис в том числе. – Вдыхаем через нос, выдыхаем через рот! Слышите? Выдыхаем, а не треплемся! Берите пример с Бади. Вон как красиво бежит!

Молчун Джер Бади был способен полтора часа гонять по полигону, не сбавляя темпа, и даже не запыхаться. Но он поступил в академию по направлению из училища боевых магов! Может, их ежедневно заставляли совершать марш-броски по пересеченной местности.

– Последний круг! – соизволил остановить коллективные мучения Гариф и тут же выкрикнул: – Форстад, прибавляй! Не позорь знаменитую фамилию!

Думаю, не стоит упоминать, что «представитель знаменитой фамилии» ходил у магистра в любимчиках и никогда не рисковал получить энергетическим шаром в спину.

Когда мы втроем пересекли невидимую финишную линию возле магистра, он рявкнул:

– Не смейте сразу приземлять задницы! Полкруга шагом – восстанавливать дыхание!

Полкруга мы не осилили, прошли ярдов десять и рухнули на островке жесткой желтеющей травы, чудом выжившей посреди полигона.

– Когда боевую магию переведут в факультативы, то обязательно от нее откажусь! – простонала Матильда. – Если раньше не помру.

– Меня с собой возьми, – с трудом проговорила я.

– Помирать?

– Отказываться! Официально заявляю, что ненавижу тренироваться!

Смертельно хотелось пить, но подниматься на трясущиеся от усталости ноги и ковылять к питьевым фонтанчикам, расположенным возле ворот полигона, сил не было.

– Хотя кое-что в боевой магии мне, конечно, нравится, – протянула Тильда.

– Что в ней может нравиться? – не поняла я, и подруга кивнула куда-то в сторону.

Собравшиеся возле «водопоя» парни устроили коллективное купание.

– Снимающий рубашку Качок, – мечтательно вздохнула Матильда, когда Бади, одним резким движением стянув рубашку, щедро продемонстрировал скульптурное натренированное тело с блеснувшим на груди, под сердцем, знаком боевого мага.

– Осторожно! – в притворном ужасе воскликнула я.

– Что? – испугалась подруга.

– У тебя очки запотели.

– Поэтому тебя все называют Ведьмой! – беззлобно огрызнулась Тильда. – Добрее надо относиться к слабостям ближних.

– Да я сама доброта! – возмутилась я.

– Ага, когда спишь за опечатанной снаружи дверью. – Она резво поднялась, отряхнула штаны от сухих травинок и спросила у Марлис: – Пойдешь попить?

Тихоня, отчего-то беспрекословно подчинявшаяся нашей худой очкастой подружке с неизменными косичками, послушно поднялась. Я почти решила найти силы и поползти к фонтанчикам, но в ту же сторону, на ходу стягивая через голову рубашку, прогарцевал Форстад. Следом за ним, словно королевские телохранители, бодрой рысцой последовали два его придурковатых приятеля Дин Дживс и Трой Остад.

Не хватало еще наблюдать, как кое-кто светит бледными тощими телесами. Ладно, может, далеко не тощими, а весьма подтянутыми, с тонко намеченными кубиками в нужном месте, но все равно бледными. И нет, я вовсе не следила за аристократическим белобрысым придурком, презирающим загар. Больно надо! Просто он смел попадаться мне на глаза.

После того как на три очень долгих дня он превратил меня в главную сплетню академической столовой, мы друг друга подчеркнуто игнорировали. Безусловно, распылять на белобрысого придурка фантазию и энергию было слишком, но если я не отомщу, то даже в старости буду досадовать.

– А ты, Аниса? – тихим голосом уточнила Марлис.

– Вставать неохота, – моментально отказалась я.

Подружки сбежали, а мне оставалось проследить, как бедняга Флемминг Квинстад, к которому намертво приклеилось прозвище Ботаник, как ко мне – Ведьма, под издевательские комментарии магистра на последнем издыхании заканчивал финальный круг. На самом деле он погибал на дорожке в компании приятелей по историческому клубу, но другие «бегуны» нездорового интереса у преподавателя не вызывали.

Когда пытка разминкой окончательно завершилась, криками и угрозами магистр собрал народ. Расставив ноги на ширину плеч и сложив руки за спиной, он объявил:

– На сегодня мы закончили отработку бега по кругу! Поздравляю!

– Восславьтесь добрые боги, – на выдохе пробормотала Тильда.

– И начинаем отработку защиты и нападения! – бодро добавил Гариф.

– Боги, как я люблю бег по кругу, – простонала она.

– Юри! – ткнул он пальцем в сторону Матильды. – Ты идешь в пару к Бади!

– Спасибо, боги! – едва слышно, но с восторгом поблагодарила подружка высшие силы за привлекательного партнера и немедленно протиснулась сквозь сгрудившихся адептов поближе к Качку.

– Эден – с Остадом. – Он указал на Троя, одного из приятелей белобрысого придурка, и будущий партнер скривился, словно в рот залетела горькая муха.

– Магистр Гариф, почему именно меня с Ведьмой?

– Боишься оказаться на лопатках? – рявкнул тот.

– Она вроде как… девчонка.

Простите, вроде как?! Вообще магистр не делал различий между девицами и парнями, гонял всех одинаково нещадно. Недовольный тем, что кто-то посмел оспорить его решение, он сузил глаза и нехорошо улыбнулся:

– Господин аристократ, а я для вас достойный партнер?

Парень замялся, неуверенно глянул на приятелей, словно ища поддержки, и пожал плечами. Самоубийца! Поверьте на слово, магистр заслуженно носил прозвище Косоглазый.

– Эден – к Форстаду, – бабахнул приказ. – Не переживай, он тебя не зашибет.

Мы обменялись мрачными взглядами. Честное слово, очень сильно сомневаюсь!

– Смотрим все сюда! – когда пары были поделены, махнул рукой Гариф. – Показываю один раз.

Он резко выкинул руку с раскрытой ладонью, и в грудь Троя влетела заметная даже невооруженным глазом волна воздуха. Оторопевший от внезапной атаки парень еще пытался вернуть дыхание, когда оказался стремительно переброшенным через преподавательское плечо и грохнулся на вытоптанную лысую землю. Судя по скорченной болезненной мине, приложили его порядочно.

В прошлый раз Гариф демонстрировал приемы защиты на Ботанике, раз за разом выпуская в жертву сшибавшие с ног магические тычки. Если бы в ажитации магистр случайно не смел с забора ворону, со страшным карканьем отлетевшую к окну ректора и живописно распластавшуюся по цветному витражу, то Флемминг уползал бы с полигона на карачках, но занятие пришлось свернуть. Жаль, преподавателей не заставляли отрабатывать провинности у кастеляна, а было бы забавно посмотреть на Гарифа, махающего метелкой на главной академической площади. Пожалуй, веселее, чем следить, как он сжигает кое-чьи штанцы.

– Всем ясно? Приступаем! – прозвучал приказ.

Форстад стоял в расслабленной позе, сунув руки в карманы, и поглядывал на меня то ли с затаенной жалостью, то ли с откровенным высокомерием – по его противной роже прочесть не выходило.

– Дамы – вперед. – Он махнул головой, убирая с глаз длинную белобрысую челку, выбившуюся из того, что, наверное, можно было назвать «дулечка из волосенок на растрепанной головушке».

Не произнося ни слова, я сделала резкий выпад рукой, заставляя воздух оттолкнуться от раскрытой ладони, словно тяжелый шар. Удар пришелся в живот, Илай от неожиданности охнул и пошатнулся:

– Полегче, Эден.

Я ловко подскочила к нему, схватила за руку, прижалась спиной к груди, чтобы опрокинуть, как завещал великий и ужасный магистр Гариф, и… ничего. Белобрысый придурок оказался настолько придурковат, что послушно перекидываться через хрупкое девичье плечико не пожелал. Стараясь не замечать ни жара, идущего от его крепкого тела, ни мускусного, исключительно мужского запаха, я сжала зубы и дернула еще разок.

– Никак? – хмыкнул он над самым ухом.

Та-дам! Сначала я оказалась к нему лицом к лицу, вернее, как всегда носом к кадыку, а секундой позже была подло опрокинута. Полетела назад, толком ничего не соображая. За мгновение до оглушительного падения Форстад ловко перехватил меня за руки, заставил застыть в воздухе и оценить унизительность позы, а потом театральным жестом отпустил. Валялась я на земле и тихо его ненавидела, хотя хотелось ненавидеть громко и очень цветисто.

– Помочь подняться? – склонился он с глумливой ухмылкой.

– Спасибо, – одарила подлеца нежной улыбкой. Нормальный человек на его месте задумался бы и поосторожничал, но он предпочел съехидничать:

– Надо же, ты все-таки не разучилась говорить.

– Это плохая новость. – Я намертво вцепилась в любезно протянутую ладонь и выпустила магический разряд. Сильный, обжигающий, чтобы парень перестал ерничать.

Не ожидавший поистине ведьмовской хитрости противник болезненно сморщился. Мне, конечно, пришлось вывернуться и прилично потянуть поясницу, но он оказался отброшенным на лопатки. Тяжело дыша, я оседлала его и с победным рыком (сама не знала, что умею) сжала запястья, из-под пальцев вырвался свет от возмущенного знака Дартмурта, потревоженного моим прикосновением… И вдруг запоздало пришло осознание, что вообще-то Илай не сопротивлялся. Пока меня разрывало от гнева, паршивый придурок расслабленно валялся на земле, как на перинке, и издевательски ржал! Единорог недоделанный!

– Привыкла быть сверху, Эден?

– Свали за грань! – рявкнула я.

Кувырок. И он уже вдавливал меня в пыль, крепко стискивая коленями, чтобы не пиналась. Какая – к собачьим демонам – боевая магия? Я была готова его покусать! Сопя, выкручивалась, пыталась освободиться, но тщетно – Форстад был тяжелее и брал физическим превосходством. Заломил руки за голову, чтобы не царапалась, склонился низко-низко: кончики светлых волос почти щекотали мое лицо. Отлично! Как сейчас цапну за аристократический нос!

– Ты проиграла, – улыбнулся он и одним гибким движением поднялся. Пока я сгребала себя с землицы и вставала, ощущая каждую мышцу в теле, он спокойно отряхнул штаны от налипшего мусора и с нарочито любезным видом предложил:

– Попробуешь еще раз?

– Конечно, – отозвалась я и без пауз, не давая ему оценить обстановку, со всей возможной силой пихнула в его сторону мощную волну воздуха. Удар попал в грудь, заставил насмешливого противника закашляться. Я проворно подскочила и сделала идеально красивый бросок через плечо, в котором немедленно что-то хрустнуло (надеюсь, не кости). Илай распластался на лопатках и изумленно уставился на меня снизу-вверх.

– Превосходно, Эден! – раздалась похвала магистра. – Я-то думал, вы так и будете обжиматься. Форстад, как лежится? Земля на задницу не давит?

Самомнение ему давит! На мозг.

– Готов продолжить? – вежливо спросила я, склонившись к поверженному противнику. – Или нужно к лекарю?

– Ведьма! – почти восхищенно усмехнулся он.

– Придурок.

Дружеский обмен «любезностями» остановил переливчатый сигнал, который ненавязчиво разлетелся по полигону и оповестил о завершении занятия.

Но победу под звучащие в голове фанфары я праздновала недолго. Ближе к вечеру стало ясно, что к лекарю надо бы мне самой. Плечо, не выдержавшее веса Форстада, нешуточно разболелось. Мысленно проклиная ненавистную боевую магию, вместо столовой, где меня уже поджидали занявшие столик девчонки, я поплелась к лекарю.

В лазарете оказалось неожиданно людно. Раздраженная сестра милосердия в съехавшем на затылок чепце пыталась выставить в коридор взволнованных старшекурсников:

– Господа алхимики, покиньте помещение!

Господа алхимики стояли стеной и не позволяли прорваться к лекарю. Видимо, судьба приятеля их ужасно волновала. Тут сестра заметила меня, переминающуюся с ноги на ногу возле побеленной стены, и немедленно спросила, видимо, воспользовавшись шансом спастись от навязчивых посетителей:

– А у вас что?

– У меня плечо, – немедленно выступила я вперед.

– Боевая магия? – выказала женщина неожиданную осведомленность. – Идем!

Она вела меня по длинному коридору, сочно пахнущему валерьяновым корнем и притирками от боли, и беспрестанно ворчала:

– Наварят на своих атанорах всякой гадости, налакаются все вместе… Каждый божий день кого-нибудь под локотки приводят, а потом ходят проверять – не издох ли? Отчислять таких надо! Так ведь нет, декан заступается. Говорит, алхимики учатся на своих ошибках. А нам что делать? У этого, который на ошибке сейчас поучился, половину лица перекосило и язык почернел…

Я мудро помалкивала, давая сестре выплеснуть раздражение, и скромно семенила рядышком, но мысленно решила, что когда-то ее выперли с факультета алхимии Дартмурта. Она против желания поступила в лекарское училище, а теперь ненавидела всех алхимиков разом, даже если бедняги из любви к науке и алкоголю (никаких сомнений, что в продегустированном эликсире он имелся) страдали в лазарете.

– Ждите здесь. – Сестра указала на раскрытую дверь. – Господин лекарь сейчас подойдет.

Поблагодарив, я вошла в тесную палату с четырьмя узкими койками, разделенными пологами из длинных белых простыней. Все занавески, кроме скрывающей кровать возле стены, были аккуратно подвязаны полосами перевязочной ткани. Видимо, в палате лежал пациент. Стараясь его не потревожить, я тихонечко присела на одну из коек со сложенным в изножье постельным бельем и принялась ждать лекаря.

В глухой тишине было слышно, как в коридоре что-то разбилось. Мимо открытой двери на костылях проковылял бледный тип с перебинтованной ногой. Неожиданно за занавеской раздались подозрительные звуки, точно кто-то возился на койке. И этот кто-то явно не переворачивался с бока на бок! Прозвучал смачный чмок, а следом тихий болезненный стон.

– Ой, котик, – зашептал манерный девичий голосок. – Очень болит?

У меня поползли на лоб брови. Невольно я оглянулась через плечо на расправленный полог. Скрытая от посторонних глаз кровать подозрительно скрипнула, прозвучало сдавленное женское хихиканье. Божечки, как они на узкой койке-то поместились и еще никто не впечатал пятую точку в каменный пол?

Никогда не относилась к сторонникам теории, что нежные лобзания и страстные притирания исцеляют любые хвори. Лечиться надо травяными настойками, аптекарскими порошками и алхимическими эликсирами. Точка.

– А до общаги потерпеть вера не позволяет? – громко проговорила я, давая понять, что в палате вообще-то людно и имеются свидетели оживляющих – кхм – телесных манипуляций.

Товарищи за занавеской немедленно притихли. Видимо, осознавать, что кто-то невольно подслушивает процесс «исцеления» было неприятно.

– Догогуша, что у вас случилось? – вошел в комнату невысокий лекарь с глазами неестественного бирюзового цвета, характерного для всех отмеченных даром исцеления магов. На макушке блестела задорная лысина, обрамленная густыми седыми волосами, словно ромашковая середка в белых лепестках.

– Плечо повредила, – выдавила я измученную улыбку, стараясь не думать о тех двоих за пологом.

– Какое счастье, что вы всего лишь с плечом, а не с выпитым эликсигом от наших недоученных алхимиков, – проворковал лекарь. Его интеллигентная картавость немедленно вызывала симпатию.

Пока он сетовал, что магистр Гариф сегодня как-то по-особенному злобствовал, я распутала завязки на блузке и спустила широкий ворот с травмированного плеча. Прохладные пальцы лекаря быстро ощупали ноющий сустав. Неожиданно глаза эскулапа вспыхнули зеленоватым светом, делая его похожим на рейнсверского демона-крикуна, и у меня по коже пробежали колючие магические искры. Глубокая ноющая боль отступила.

– Пошевелите гукой, – попросил лекарь.

Послушно подняла руку, повела плечом, не испытывая ни малейшего дискомфорта.

– Очень хогошо, – кивнул он. – Ночью будете спать спокойно, но ушиб поболит, и пгидется погастигаться снадобьем. Я вам выпишу освобождение от боевой магии на половину декады, а пгитигку возьмете у сестгы.

– Благодарю, господин лекарь.

Он отошел от меня и со словами: «Как ваши гёбга, молодой человек?» – резко отодвинул занавеску, скрывающую страстную парочку. Невольно я оглянулась. На узком матрасе возлежал растрепанный Форстад с перевязанным торсом, а в его бок испуганно втискивалась взлохмаченная блондинка в задранном до коленок платье.

И даже не знаю, почему наличие в лазарете белобрысого придурка в обнимку с подружкой меня вообще не удивило, но в душе шевельнулось какое-то незнакомое, но ужасно неприятное чувство, как будто коготком царапнули.

– Похоже, с гёбгами у вас полный погядок, как и со всем, что ниже, – не без ехидства заключил лекарь. – На что жалуется девушка?

На отсутствие щепетильности!

Я издевательски фыркнула и, на ходу завязывая ворот блузы, вышла в коридор.

– Господин лекарь, я всего лишь пришла проведать друга, – раздался неуверенный манерный голосок блондинки.

– Вижу, что успешно, – насмешливо отозвался тот.

Покинуть лечебницу быстрее сладкой парочки не удалось – сестра милосердия велела ждать, когда она напишет свиток с освобождением. Пока я послушно подпирала стену, Илая отпустили с миром. Вернее, с подружкой в помятом платье. При виде меня она вцепилась в локоть белобрысого тонкими пальчиками с розовыми коготками – кхм – ноготками, словно боялась сверзиться на пол. Не иначе как от счастья.

К слову, я упоминала, что после того злосчастного поцелуя абсолютно все считали, будто столичная прынцесса меня бросил? Даже Матильда! С дружескими откровенностями у меня всегда было туго, но пришлось себя переселить и рассказать историю от начала до конца. Подозреваю, она все равно посчитала, что я лукавлю или замалчиваю пикантные подробности, но над аферой с брюками хохотала долго и громко. На всю библиотеку. Нас чуть не выставили из читального зала за нарушение порядка.

Некоторое время в обоюдном суровом молчании мы дружно дожидались появления сестры милосердия. Илай изредка морщился и не замечал, как инстинктивно потирал грудь. Вряд ли он пришлепал бы в лазарет, да еще с группой поддержки, если бы нормально дышал после моей фееричной победы в поединке. Я хотела снизойти и спросить, насколько сильно у него помяты ребра, но только открыла рот, как болонка – ой! – блондинка презрительно тявкнула – боги! – фыркнула:

– На что уставилась?

Почему люди вечно на корню подрубают мои светлые порывы быть милой? Невозможно пропустить выпад и не припомнить давнюю историю с плохо закончившими подружками Форстада. В смысле закончившими непотребной потасовкой посреди школьной столовой. Когда новое трио «возлюбленных» устроит бой посреди академии, а он случится непременно, адепты наверняка организуют тотализатор. Хотелось бы с уверенностью знать, на кого ставить. Глядишь, денег на методичку подзаработаю.

– Волосы у тебя красивые, – вздохнула я. – Скажи, очень крепкие?

Она испуганно провела ладошкой по взлохмаченной шевелюре, попыталась содрать съехавшую на ухо заколку с драгоценными камнями, но, запутав застежку, огрызнулась:

– Нормальные!

– Ну ладно, как скажешь.

Богатый опыт работы в тетушкиной таверне доказывал: в искусстве говорить гадости самое главное – вовремя остановиться и красиво раствориться в тумане или юркнуть за спину сурового вышибалы, иначе можно нарваться на драку. Но если в лазарете наколдовать туман, то недолго до конца полугодия поселиться в архиве и все свободное время расставлять в алфавитном порядке папки, а когда они закончатся, пойти на второй круг. Да и здоровяка, готового меня защитить от взбешенной болонки, в смысле блондинки, тоже не имелось, а жертву с травмированным плечом она наверняка легко покусает. Желающие выдрать ей хвост найдутся и без меня! Не сейчас и не завтра, но позже наверняка.

В общем, в кои веки я прикусила язык и представила, что губы зашиты, но в подружке Форстада вдруг заснул инстинкт самосохранения.

– И знаешь… – в мирной тишине неожиданно выпалила она, – завидуй в сторонке молча!

– Да я в своей сторонке не завидую, а соболезную, – отпарировала больше по инерции, чем от желания поцапаться.

– Котик… – сдавленно всхлипнула девица. Божечки, столичный театр на Каменной отдыхает, а его владелец рыдает горючими слезами!

– Эден… – с многозначительной интонацией встрял в «разговор двух девочек» Илай. Согласна, глупо в первую декаду отношений, когда притяжение сильно, а лобзания горячи, позволять кому-то, особенно фальшивой бывшей, обижать новую подружку – еще пригодится для приятных глупостей.

– А? – мило улыбнулась я.

– Не будь ведьмой.

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше высочество. – Хотела для пущего артистизма поклониться, но наконец вынесли мое освобождение и флакончик с согревающей растиркой, на пробке которого была прицеплена бумажка с указаниями по правильному использованию. Начиналась она с пункта: «Наружное средство! Запрещено к употреблению внутрь даже алхимикам!» Я не растворилась в тумане, а просто ушла из лазарета, но очень вовремя – сердитая помощница лекаря принялась чихвостить озабоченную парочку.

Когда я добралась до столовой, ужин подходил к концу и народу оставалось немного. Стойка раздачи, разоренная оравой голодных адептов, разнообразием уже не радовала. Многие емкости, сохранявшие еду теплой с помощью магии, опустели, а парочка чанов и вовсе демонстрировала выскобленные днища. Даже пригорелости отчистили рейнсверские троглодиты! Особенно умилял пяток надкусанных пирожков с неопознанной начинкой на большом медном блюде. Не знаю, кто из ребят жил по принципу «не съем, так надкусаю», но хотелось из вредности пожелать, чтобы начинка ему не пошла впрок. Нетронутой осталась рыбная похлебка, но, как показывал опыт, если кастрюля не была хотя бы ополовинена, то лучше поберечься и не снимать пробу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.